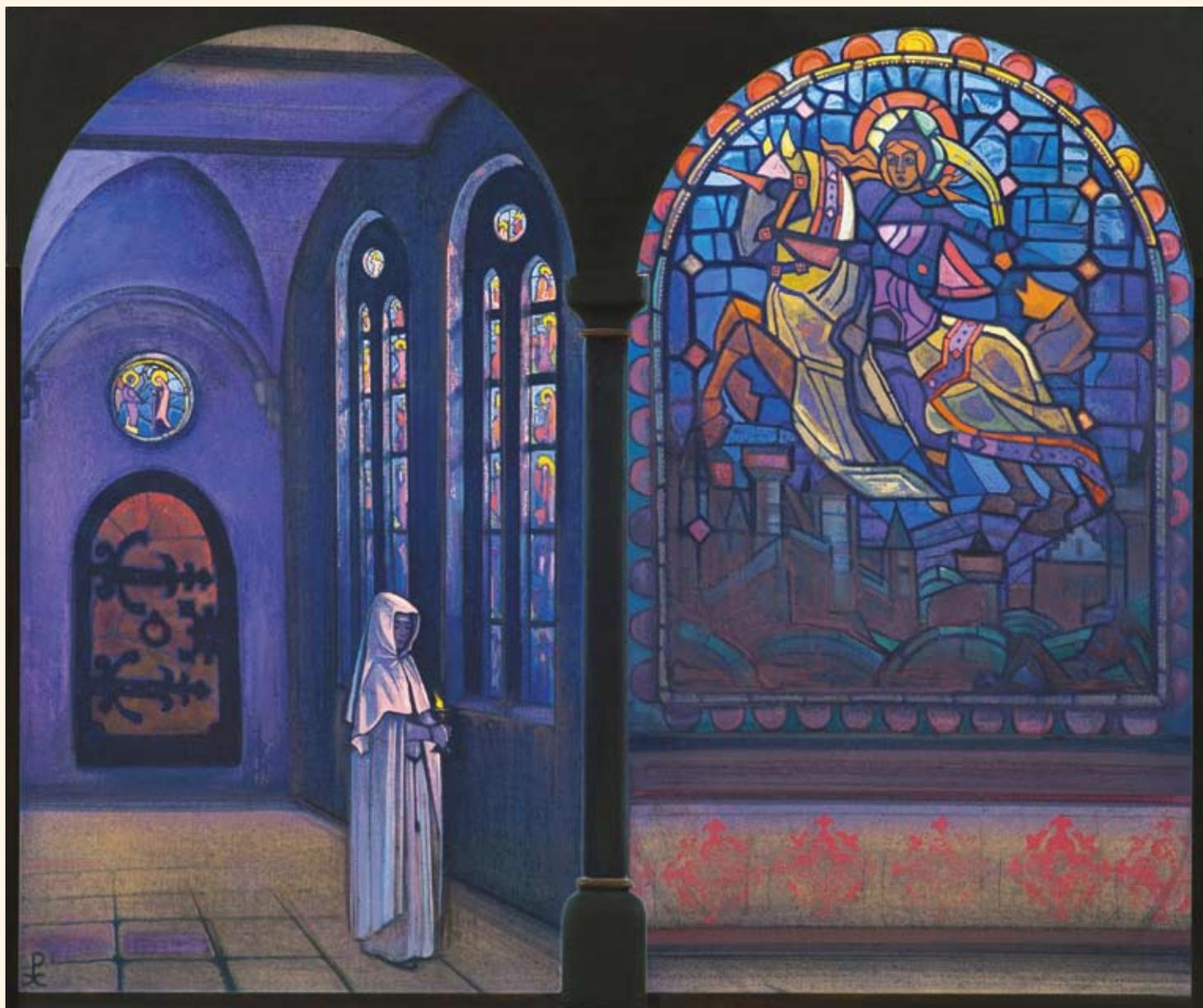

Восход

Издание Сибирского Рериховского Общества, № 6 (218), Июнь, 2012

Н.К. Рерих. СЛАВА ГЕРОЮ. 1933

Н.К. РЕРИХ

ПУТИ БЛАГОСЛОВЕНИЯ*

II

Я знаю тебя, гомункулус. Это ты подсунил нам в дороге столько ненужных вещей. Это ты советовал нам не доверять всему молодому и «неопытному». Это ты подставил внешние факты вместо фактов духа и сущности. Это ты позолотил рамы на картинах. Ты проник в советы и лиги и прикрыл стремление к совершенству обязанностью могильщиков. Ты очень трудишься. И в твоей незримой империи растёт славное человеконенавистничество.

— Но как бы мал ты ни был, уже рассмотрели тебя. И узнали твои привычки. Ты боишься талисмана любви. И любовь подсекает твои создания. Любовь творческого совершенства. Ты мечтаешь засыпать её старыми вещами. Ты думаешь, что пламя любви потухнет? Но ты забыл таинственное качество пламени. Оно зажжёт любое количество светочей и не уменьшится.

— Где же тебе бороться? И если бы ты даже проник во все лиги наций, то ведь за нациями стоит человечество. И здесь трудолюбивый гомункулус не достигнет успеха. Ибо человечество всё-таки, хотя и медленно, идёт к гармонии.

— Не кажется ли вам странным, друзья, что даже в наши дни, в дни наибольшей суматохи и страха, всё-таки могут быть действительно выявляемы такие ещё далёкие понятия, как любовь, благо, совершенство, то есть все спутники гармонии. Гармонию часто не понимают. Смешивают с унисоном. Не понимают. Так же, как не понимали Нирвану. Но гармония не есть отвлечённое песнопение. Гармония, гармонизация центров, есть выявление деятельности, во всей её мощи, во всей её ясности и убедительности. Познавая, чего мы хотим, мы слагаем все наши центры в одно напряжение и даже преодолеваем все установления рока. Но дух-то наш знает лучше всего, где правда. И каждый наш поступок оценён духом воистину.

И вот этот дух также знает, что любовь и совершенство будут применены в жизни, в простоте и ясности творчества. Если простота выражения, ясность желаний будут соответствовать неизмеримости величия Космоса — то это путь истинный.

И этот Космос — не тот недосыгаемый Космос, перед которым только морщат лоб профессора, но тот великий и простой, входящий во всю нашу жизнь, творящий горы, зажигающий миры — звёзды на всех неисчисленных планах.

Простота — неперемное качество гармонии. Творчество будущего будет осенено простотою. Конечно, вы не смешаете простоту с примитивизмом, с нарочитостью.

Здесь разница так же велика, как между искусством и штампом. И часто в золотых рамах висит коммерческий штамп, а в плакате под вихрем и снегом треплется истинное искусство.

Но дух-то, хотя бы в молчании, знает, где штамп, где пошлость и где радость и творчество.

— Молчаливо спрашивайте дух ваш, внося каждый предмет в дом ваш. Произнося заклинания против гомункулуса, обдумайте, зачем и как пришли вы к мысли приобщить к вашему очагу нового гостя.

Ведь эти молчаливые гости могут быть истинными друзьями, но могут стать и врагами вашего дома.

В осознании предметов лежит гармония их. И опять дух ваш знает врага и друга.

Знаем непреложные исцеления музыкой и красками. Вспомним мощь пения. Вспомним высокие подъёмы в храмах, в музеях. Дом Божий! Дом Великой Тайны! И таинство Духа имеет подножием лишь красоту.

Конечно, вы любите искусство. И вы хотите о многом расспросить меня. Вы хотите знать, что лучше для гармонии дома — картины или стенопись. Лучше ли закрепить обстановку в неподвижности. Или жизненное — идея Китая и Японии, где каждый день на стене комнаты помещается одна картина?

Наверно, вы хотите спросить, правильна ли идея наших современных выставок, где за обликом храма искусства притаился ларёк торговца?

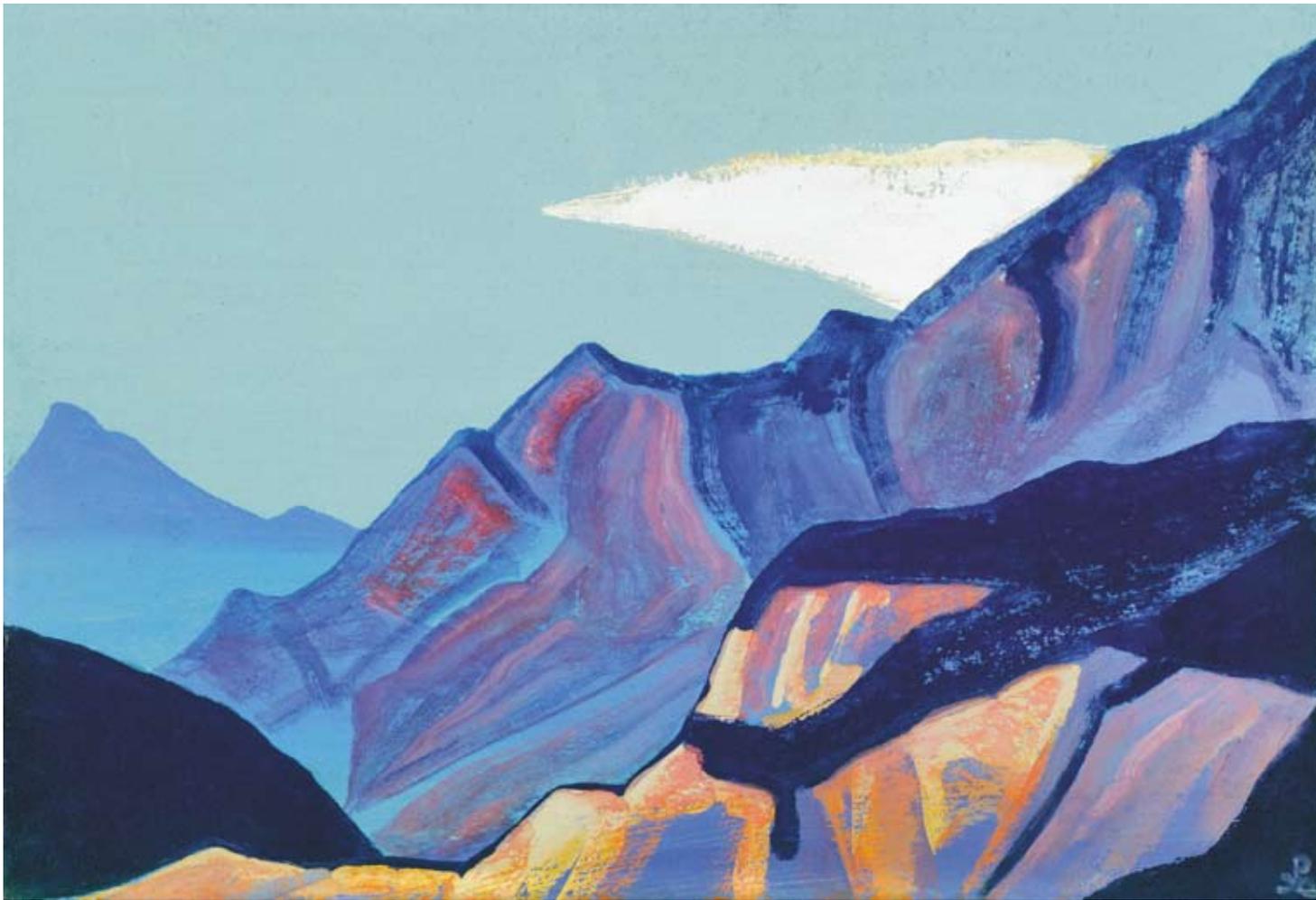
Учитель изгонял торгашей из храма. Учитель знал, конечно, что в нашей жизни без торгашей ещё нельзя. Но Он их изгонял именно из храма.

Так и в деле искусства. Конечно, торговля должна остаться. Но она должна быть вынесена из храма. Пусть будет честный праздник; пусть будет честная лавка. Но лавка во храме и личина храма в лавке вносят внутренний разврат среди творящих и цинизм среди посещающих. Благоуханье храма скуёт жест даже отъявленного циника, и гомункулусу приходится бежать.

Правда, гомункулус, вам всё-таки придётся уйти из жизни. Бессчётные молодые сердца просят вас уйти.

Очистив принцип обмена искусства, возможно ввести его в дом. Внести как бы свечу, зажжённую во храме. И мысль стенописи, и ценная смена впечат-

* Продолжение. Начало в № 5, 2012.

Н.К. Рерих. ЛАХУЛ. 1937

лений Востока — всё найдёт своё место. Ибо правда бесконечна. И каждый отдельный случай утверждения искусства устанавливается сознанием духа. Кондуктор думает, что люди лишь ездят. В представлении сапожника люди лишь ходят. В представлении современного человека люди только терзаются. В знании Благословенного люди должны радоваться.

Правда, именно сейчас радость об искусстве звучит странно. Много говорят об искусстве и так мало вносят искусство в свою жизнь. И всегда находят превосходные отговорки и оправдания. Всегда виноваты самые убедительные обстоятельства. Всё виновато, но лишь не виноват «цивилизованный человек», ходящий смотреть на бой быков или на уличную драку, обставленную правилами «бокса».

Здесь открыты и сердца, и кошельки.

Но расспросите этих людей, много ли они сделали для искусства? И много ли они внесли искусства в свою жизнь? Они будут удивлены, и окажется, что пещерный человек каменного века имеет все преимущества перед этими завоевателями земли. В наши дни и об этом приходится говорить. Как же не говорить, когда именно сейчас некоторые правительства пытаются обложить свободное искусство особыми

налогами. И тем ещё больше затруднить тернистый путь красоты. Здесь опять работа гомункулуса!

И в то же время лишь около десятой части населения вносит искусство в свою жизнь и что-то знает об искусстве. Двадцать процентов только говорят об искусстве и не применяют его. А семьдесят процентов вообще не знают или, лучше, не помнят уже, что такое искусство...

Но лучше, хотя бы механически, твердить: «благо, благо, благо», нежели, хотя бы с усмешкой, повторять: «зло, зло, зло». Этот относительный принцип уже усвоен многими. Так вот этим путём будем хотя бы один раз в неделю спрашивать себя, что мы за семь дней сделали для искусства?

Пусть и политики, и конгрессисты, и многие клерки и банкиры, и «деловые люди», и все гордые своей часто сизифовой работой, пусть тоже усвоят себе эту нетрудную привычку. Там, где нельзя идти путём радости сознания, там пусть протянется мостовая указанной дороги. Но усилия нужны. Иначе наши дни грозят особым бедствием для достижений искусства. Искусство должно цвести, и музыка духовного призыва должна звучать вне состояния биржи и вне заседаний Лиги Наций. И ещё одно тоже «необщее

место». Со стыдом вспомним о том, о чём поистине необходимо вспомнить, и признаемся. В воспитании ребёнка всё ещё забыто развитие творчества. Сперва стараются внушить ребёнку массу условных понятий. Сперва ему преподают полный курс страха. Затем ребёнка знакомят со всеми домашними ссорами. Потом ему покажут фильмы, где зло так изобретательно и блестяще, а добро так бездарно и тускло. Потом покажут детям все пошлые заголовки ежедневной прессы. Потом ребёнка окунут в так называемый спорт, чтобы молодая голова привыкла ощущать удары по лицу и привыкла думать об ударах физических и о разбитых членах. Итак, сперва займут всё время юноши, дадут ему наиболее пошлые и извращённые формулы. А потом он, засорённый и заржавленный, может начинать творить.

Это одно из самых глубоких преступлений.

К любой машине люди бережливее относятся, нежели к ребёнку. Ещё бы, за машину заплачены «всесильные» деньги. Её нельзя запылить или залить грязью. А за детей деньги не платят. Но если машина портится от пыли и грязи, то как же разрушительно действует грязь духовная на нежный молодой аппарат. В смертельной тоске ищет света маленькая голова. Смертельно болезненно чувствует всю оскорбительность. Болеет, затихает и часто поникает навеки.

И творческий аппарат замирает, и отпадают все провода. Мы часто восхищаемся неожиданностью детского рисунка, или мелодией детской песни, или мудростью суждения детского. Там, где ещё открыто, — там всегда прекрасно бывает. Но потом мы замечаем, как ребёнок перестаёт петь, перестаёт рисовать, и суждения его уже напоминают так называемые нарочно для детей сделанные книги. Значит, зараза пошлости уже проникла, и все симптомы этой ужасной болезни уже появились. Появилась скука, появилась условная улыбка, появилось преклонение перед противным, наконец, появился страх одиночества. Значит, что-то близкое, руководящее, всегда присущее — отошло, отодвинулось.

Не изгоняйте детей из храма. Ведь самые трудные вещи всегда так просты.

Откройте в школах пути к творчеству, к великому искусству. Замените пошлость и уныние — радостью и прозрением. Развивайте инстинкт творчества с самых малых лет ребёнка. Уберегите от гримасы жизни. И дайте ему счастливую, смелую жизнь, полную деятельности и светлых достижений.

Бичи человечества — пошлость, одиночество и тягость жизнью минуют молодую душу творящего.

Откройте пути благословения.

Продолжение следует

Н.Д. СПИРИНА

ТЕРЕЗА АВИЛЬСКАЯ*

Святая Тереза сказала о себе: «Господу было угодно, чтобы в моей душе с самого раннего детства запечатлелся путь истины». Каждый великий дух осуществляет этот путь истины по-своему, сообразно с его неповторимым духовным дарованием. В молодости Тереза любила и небо и землю, не понимая хорошенько, как можно примирить то и другое. Но потом, «перед лицом двух великих заповедей — заповеди любви к Богу всем сердцем и любви к ближнему — Тереза поняла, что на её духовном пути пришло время, когда Бога нужно поставить не на первое место, но на *единственное* место, возлюбив Его "всем сердцем", отказавшись от всех привязанностей, от всякой другой любви, чтобы

потом получить всё, даже ближнего, которого надлежит возлюбить, из *Его* рук».

Тереза была с людьми, но *пребывала* с Богом. Это двойное состояние порождало эффект необычайный. Божественное распространялось на земное и проникало во все дела.

На любви золотое зерно

Прилетают небесные Птицы...

Всё, что сердцем с любовью дано,

Возвратится Судьбою сторицей.

Отдающий безмерно богат —

Умножается огненный клад

Всемогущей и щедрой Десницей¹.

Тереза создавала духовные общины, писала письма и богословские труды, но главным, внутренним её делом была молитва. Если признать, а признание это закономерно по законам Высшего Мира, то молитва — это дей-

* Тереза Авильская (1515 – 1582) — великая подвижница, святая покровительница Испании. Представительница древнейшего рода, оставила аристократическую среду, чтобы посвятить себя служению Богу. Основательница монастырских обителей по образу первохристианских общин. Единственная женщина, приравненная к Учителям Церкви, доктор богословия, автор сочинений о путях духовного самосовершенствования.

¹ Спирина Н.Д. Капли. Новосибирск, 2010. С. 129.

ствие или действие, силу и значимость которого можно оценить по-настоящему только сверху. Снизу же, от земли, об этом можно только отчасти догадываться.

Как расцвело соприкоснувшееся с отлетающей душой Терезы сухое дерево, так расцветают и плодоносят людские души, усохшие было в своих мирских делах, соприкоснувшись с Высшим Миром через провод великой души.

Если молитва, в своём сокровенном значении, есть связь с Высшим и Превышним, то близость этого связующего Звена не может не приобщить к Высшему Источнику и находящимся вблизи него. Тереза создавала монастыри магнитом связи своей с Богом, находясь, по существу, в непрестанной молитве. И вокруг этого неземного магнита, по закону соответствия, начинали группироваться созвучные ангельской гармонии души.

Страна, задыхавшаяся в клещах железного террора инквизиции, не терпевшей ни малейшего отклонения от её жесточайших норм и канонов, боявшейся этих отклонений гораздо больше, чем дьявола, с которым она якобы боролась, но которому верно служила; церковь, в которой не было Христа и которая Его не знала; и в то же время народ, по существу религиозный, но не знавший пути к Богу, и вдруг получивший живительный поток воздуха, которого искал, не зная того сам.

Шестнадцать монастырей и частые путешествия Терезы по стране, оставлявшие светлые трассы за собой, оживляли и пробуждали заглушенные ростки душ.

Не было ли это главным чудом из тех чудес, которые она совершала во множестве?

Тереза говорила: «Кто делает упорные усилия, чтобы взойти на вершину совершенства, — тот никогда не восходит на эту вершину один, но всегда ведёт за собой, как доблестный вождь, бесчисленное воинство...» И Учение Живой Этики подтверждает: «...усовершенствование своего Я для других будет достойным решением»².

«Жизнь моя кончилась — началась жизнь Бога во мне», — сказала Тереза.

«Мне кажется, что Иисус всегда идёт рядом со мной. (...) Я ясно чувствовала, что Он находится по правую сторону от меня и видит то, что я делаю, и я никогда... не могла забыть, что Он рядом со мной».

*Имеет доступ к сладостной беседе
С Вершиной высочайшей, Солнцем Духа
Лишь тот, кто любит...*

*Но Любовь должна быть
Сильнее смерти
и сильнее жизни*³.

Джорджо Папазоли. СВЯТАЯ ТЕРЕЗА АВИЛЬСКАЯ

Тереза прозревала Бога во всём. «Надо искать Бога в твари», — говорила она. «В твари ничтожнейшей, вызванной Богом из небытия, даже в муравье — больше чудес, чем ум человеческий может постигнуть».

Тереза являла *совмещение* постоянного духовного единения с Христом и очень активной земной деятельности, которую ставили перед ней её долг по отношению к ближним и обстоятельства её личной жизни. Это поразительное совмещение решало проблему пребывания в Боге и служения людям *одновременно*. Живая Этика указывает тот же путь. Она говорит: «...современная Йога — связь с Высшим — должна осуществляться среди обыденности жизни. *Не уход от жизни, но претворение её заповедано*»⁴.

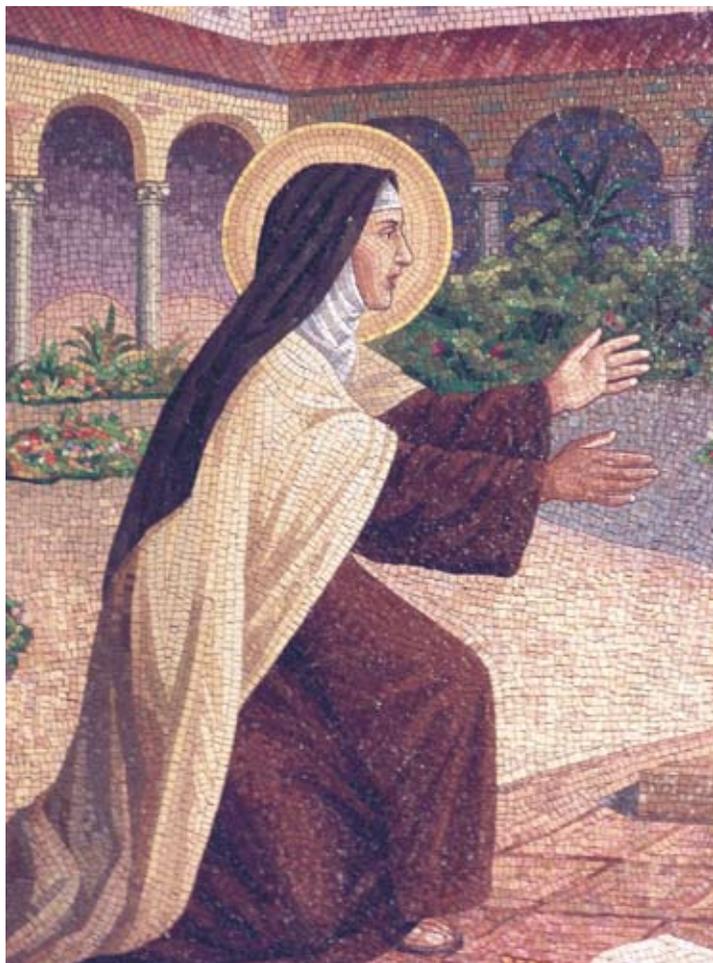
И Будда, имея в виду тех, кто предпочитал в поисках духовных достижений жить в уединении, говорил: «Одинокая жизнь в лесу полезна для того, кто следует ей, но она мало способствует благу людей»⁵.

² Мир Огненный. I. 635.

³ Спирина Н.Д. Капли. С. 317.

⁴ Надземное. 812.

⁵ Рокотова Н. Основы буддизма. Таллинн, 1990. С. 11.

СВЯТАЯ ТЕРЕЗА. Фрагмент мозаики

Одновременно пребывая в непрестанной молитве и в служении людям, Тереза активно работала и по очищению религии.

Она видела, что церковь и её служители отделились от Христа и Его заповедей и пошли по «лёгкому пути», ведущему к гибели; и она, как и Франциск Ассизский, полностью предалась «тесному пути», ведущему в жизнь вечную, чтобы этим крайним способом отрешения от всего земного хотя бы отчасти заставить задуматься христиан без Христа, оглянуться и на себя, и на заветы Того, Кому они на словах служили, а на деле не следовали.

Тереза стала с несколькими близкими ей по духу монахинями создавать обители полной нищеты и духовного счастья, где царил бы подлинная бедность и которые были бы, по её словам, «уголком рая». Тем самым она хотела показать, что, как говорит Живая Этика, «счастье в духе».

Подобные же обители, в которых люди пребывали

бы в Боге сами и несли этот неземной Свет людям своими проповедями и своим примером, строил в своё время и святой Франциск, и в деле своей реформы Тереза продолжала путь его.

Всё её великое дело реформы монастырей строилось на двух основаниях — на *любви* и на *радости*. Мало основать обитель, надо, чтобы она жила. В основу управления ею Тереза заложила простую истину: «Всё — ничто без любви». Любовь являлась основанием её деятельности. «Главное, не много думать, а много любить», — утверждала она.

Второй основой её обители была радость. «Да избавит нас Бог от унылых святых», — писала она. «Наша Мать Тереза хотя и святая, но такая же простая, как все люди!» — не могли на неё нарадоваться сёстры её монастыря, помня завет святого Франциска и апостола Павла: «Всегда радуйтесь». «Часто уныние доводит людей до настоящего сумасшествия». «Следует считать уныние очень опасной болезнью и лечить его, как болезнь», — считала Тереза.

Живая Этика по этому поводу говорит: «Уныние есть враг каждого совершенствования»⁶. «Невозможен подвиг в унынии. Уныние есть смерть, как прорванный кошель! Самое драгоценное высыпается в унынии, и можно назвать уныние смертью»⁷, в то время как «радость есть здоровье духа»⁸. «Поистине лучший Огонь вспыхивает от радости»⁹.

Как человек Тереза была «уравновешенной, обаятельной, доброй, способной ободрить других, терпеливой и мягкой даже тогда, когда она жестоко страдала. Она была свободна от плотских вожделений и искушений, которым так часто подвергались подвижники». «Одной своей послушнице, спрашивавшей её об искушениях пола, Тереза простодушно отвечала, что не знает, что это такое». «Она стала мудрой, зрелой монахиней, её любили и к ней тянулись люди в монастыре и за его стенами — в особенности те, кто хотел идти путём святости. Вокруг неё сформировался круг друзей, очарованных её мужественной мягкостью и мягкой суровостью».

Облик Терезы был прекрасен в совмещении лучших человеческих качеств. Она излучала свет небесный, и тьма отступала, и расцветали сияющие цветы духа. И мы, думая и говоря о ней, тоже имеем счастье, как и её современники, соприкоснуться с этим надземным Светом.

Думая о ком-то — незримо знакомимся. Велика радость от таких благословенных встреч.

22 мая 1994 г.

Из радиопередачи (цикл «Свечотч Мира»)

⁶ Община. 2.

⁷ Мир Огненный. I. 377.

⁸ Там же. 298.

⁹ Там же. 10.

Людмила ГАНИНА

ЖЕРТВЕННЫЙ ПОДВИГ Е.П. БЛАВАТСКОЙ

Елена Петровна Блаватская явила яркий пример для подражания своим жертвенным служением людям. Мы видим её бесстрашие, решимость достичь цели, безграничную любовь к Старшим, преодоление физических страданий, самозабвенный труд, готовность как к подвигу, так и к поношениям, бескорыстие. Ярко проявилось в её характере отсутствие властолюбия, честолюбия, тщеславия.

Очень сложным был последний период жизни Е.П. Блаватской. Об этом свидетельствуют воспоминания очевидцев и письма самой Елены Петровны к друзьям и сотрудникам.

В конце 1882 года из-за сырого климата Бомбея, оказавшегося очень вредным для здоровья Елены Петровны, она тяжело заболела. Тогда впервые доктора констатировали смертельную болезнь. После переезда в Адыяр здоровье Елены Петровны оставалось настолько неудовлетворительным, что потребовалась перемена климата. В феврале 1884-го она покинула Индию.

Лето того же года она провела в Лондоне, осень — в Эльберфельде (Германия). Она только и думала о том, чтобы скорее приняться за «Тайную Доктрину», когда из Адыяра было получено известие о состоявшемся против неё заговоре. Иезуиты с участием Куломбов (бывших слуг Блаватской) подготовили фальсификацию, с помощью которой пытались очернить основателей Теософского Общества.

Получив это известие, Елена Петровна отправилась в Индию, чтобы защитить своё доброе имя от возведённой на неё клеветы. Она намеревалась подать на Куломбов в суд. Однако члены комитета, избранного на съезде Теософского Общества, решают отказаться от судебного разбирательства. Все эти события самым негативным образом отразились на здоровье Блаватской — она серьёзно заболевает и снова находится на грани жизни и смерти.

Не добившись справедливости, Елена Петровна в 1885 году уезжает в Европу, уже навсегда. Здесь, едва оправившись от перенесённых волнений и болезни, она с жаром принимается за «Тайную Доктрину». На этот труд она смотрела как на главное дело своей жизни. Елена Петровна была уверена, что человечество подошло к нравственному кризису, что всё усиливающийся материализм мог закристаллизовать человеческое сознание до такой степени, что возврат к духовности становился бы всё менее достижимым. Нужно было помочь человечеству пробить окно в

духовный мир, раскрыть перед людьми невидимые для них дали. Так понимала Блаватская порученную ей задачу и со свойственными ей энергией и энтузиазмом принялась за дело.

Чтобы работать над «Тайной Доктриной» без помех, Блаватская выбирает уединённый Вюрцбург (Германия), где живёт одна, а затем с графиней Вахтмейстер, которая взяла на себя заботу о материальных нуждах Елены Петровны. Тяжелобольная, Блаватская с неослабевающим самоотвержением работала за своим письменным столом с раннего утра до позднего вечера. В разгар этого труда, поглощавшего всю её без остатка, на неё неожиданно обрушился второй страшный удар, который наверняка сломил бы другую, менее сильную душу: Общество психических исследований публикует отчёт, основанный только на показаниях четы Куломбов, в котором Блаватская обвиняется в обмане.

Вот как графиня Вахтмейстер описывает это страшное для Елены Петровны утро в декабре 1885 года: «Никогда не забуду я словно застывшего на лице её выражения неопишуемого страдания, с которым она взглянула на меня, когда я вошла к ней утром и застала её с только что полученным отчётом г-на Ходжсона в руках. "Вот, — воскликнула она, — какова карма Теософского Общества! Она обрушивается на меня... Я должна нести на себе грехи Общества, и теперь, когда меня заклеили величайшей обманщицей, да ещё русской шпионкой вдобавок, кто будет слушать меня, кто будет читать Тайную Доктрину? Как буду я продолжать дело Учителя? (...) Как я вынесу такую страшную карму? Как переживу всё это? Если я умру, пострадает дело Учителя и Общество погибнет!"»¹.

Казалось, Теософскому Обществу был нанесён смертельный удар. Изо дня в день поступали заявления о выходе из Общества от людей, которые считались его гордостью, или же оскорбительные письма от тех, кто прежде носил личину друзей. Оставшиеся члены Теософского Общества были в той или иной степени парализованы и думали лишь о том, как бы остаться в стороне, чтобы обвинения не коснулись и их. И только благодаря сочувствию и любви немногих верных друзей Елена Петровна продолжала жить и бороться.

Блаватская не боялась клеветы. Она писала: «Теософское Общество, внешне совершенно обветшавшее,

¹ Елена Петровна Блаватская. Киев, 1991. С. 33.

в основе своей незыблемо; фундамент его — несокрушимая скала, игнорирующая людскую клевету и бессильные попытки поколебать её. Боюсь ли я грязи, которую швыряют мне в лицо? (...) Пусть швыряются, с каждым новым броском я становлюсь лишь ещё чище для тех, кто меня знает. Я никогда никому не причиняла вреда и потому никого не боюсь...»²

В этот роковой для Блаватской и Теософского Общества момент Елену Петровну начали предавать те, кого она считала своими друзьями и сотрудниками. 19 августа 1885 года она пишет А.П. Синнетту: «Уверю Вас, я страдаю больше от теософских *предателей*, нежели от Куломбов, Паттерсона или даже Общества психических исследований.

Если бы все Общества держались вместе как один человек; если бы было единство вместо личных амбиций и пробуждённых страстей — весь мир, сами Небеса и Ад не смогли бы нас одолеть. Принесите в жертву *меня*, я готова, но не губите Общество — любите его и дело»³.

19 ноября 1890 года Елена Петровна писала Уильяму Джаджу о Генри Олькотте (все трое они являлись основателями Теософского Общества в Америке): «Олькотт лишился энергии, утратил любовь к работе, стал безразличен к судьбе Теософского Общества, обленился и больше не в силах бороться и сражаться по-нашему»⁴. «Олькотт теперь пытается постепенно меня задушить, преуменьшая в глазах всего мира мою роль в создании Теософского Общества. (...) Посмотрите на последнюю страницу журнала "Theosophist": на ней перепечатывается и цитируется одна из самых злобных статей против меня — безо всякого основания, без какой-то особой причины... Г.С. Олькотт угрожает своей отставкой; может быть, он и *уйдёт* в отставку, а всю вину за это попытается возложить на меня! (...) Я беспокоюсь *не о себе лично*, я опасаясь за судьбу Общества в целом. Ведь если от нас отворачивается "президент-основатель", то это самым серьёзным образом предвещает гибель Теософского Общества... (...) Г.С. Олькотт говорит о *своих* Учителях и Наставниках, будто они являлись ему независимо от меня, а от меня отвернулись и держались только за него с самого начала и до конца»⁵.

О том, как велики были страдания Блаватской, мы можем судить из следующего её письма: «Я могу вынести и вынесу всё, что является прямым следствием моих собственных ошибок или *посева*. Но намерева-

юсь восстать против того, что целиком и полностью является результатом человеческой трусости, эгоизма и несправедливости. Возможно, я сама навлекла на себя Куломбов, Ходжсонов, даже Селлинов, но я не сделала ничего такого, что стало бы причиной утраты моих лучших друзей и людей, наиболее преданных делу. Это случилось из-за происков тех, кому следовало бы если и не быть вполне готовыми отдать свою жизнь за Учителя и дело, как готова я, — то, по крайней мере, не увеличивать ряды постоянно забрасывающих меня камнями»⁶.

Е.П. Блаватская жила на пределе своих физических и нравственных сил. Она проявила полное самоотречение. Все её мысли были направлены на служение Теософскому Обществу. Об этом свидетельствуют её письма, адресованные Синнетту: «Я всего лишь тяжело трудилась с целью создания Обществу прочного положения, дабы после моей смерти — которая, по счастью, не за горами — оно продолжало бы процветать и стало даже лучше, чем если бы я сама пошла и заняла там своё место»⁷. «Меня не волнует *моя* репутация, я беспокоилась о деле и *Учителях*»⁸.

Елена Петровна была готова даже своими страданиями принести пользу Теософскому Обществу. «У меня никогда не было ни личного честолюбия, ни желания власти, и я никогда не выставляла себя перед людьми в худшем свете. Будь я *актрисой* или лицемеркой, так никакой враг не смог бы меня сокрушить. Это моя действительная позиция, которая одна может *меня защитить*, если не теперь, то после смерти. Я нищая в полном смысле этого слова — и *горжусь этим*: я странница на этой Земле без крова и дома и без какой бы то ни было надежды вернуться в Индию, и я чувствую себя готовой даже на эту жертву при условии, что смогу принести пользу нашему Обществу своими физическими и душевными страданиями»⁹.

Больше всего она страдала из-за того, что Имена Учителей подвергались поруганию. «Всё равно, пусть я буду мучиться и умру медленной смертью — только бы Теософское Общество было спасено и *Их* имена прославлены, если не сейчас, то потом»¹⁰. «...Я отдам тысячу жизней за Их честь в сознании людей. Я не увижу Их осквернёнными»¹¹. «Я более не беспокоюсь о своей репутации. Я хочу только, чтобы *Их* святые имена оставались незапятнанными в сердцах тех немногих теософов, которые знают Их, верят в Них и чтят Их...»¹²

² Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 430.

³ Блаватская Е.П. Письма А.П. Синнетту. М., 1997. С. 229.

⁴ Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. С. 541.

⁵ Там же. С. 539 – 542.

⁶ Блаватская Е.П. Письма

А.П. Синнетту. С. 362 – 363.

⁷ Там же. С. 67.

⁸ Там же. С. 321.

⁹ Там же. С. 402.

¹⁰ Там же. С. 329.

¹¹ Там же. С. 340.

¹² Там же. С. 345.

Несмотря на болезни, предательство, клевету, Елена Петровна продолжала мужественно исполнять свою миссию. Последние годы она жила в постоянных мучениях. С земной точки зрения ту напряжённую работу, которую она выполняла до последнего часа, несмотря на жестокие физические страдания, нельзя назвать иначе, как мученичеством. За последние пять лет жизни многое было сделано: написаны три тома «Тайной Доктрины», из которых два были изданы при её жизни, а третий доработан учениками и вышел после её смерти; написаны «Ключ к Теософии», «Голос Безмолвия» и множество статей. Кроме литературной работы, которая занимала у неё, по показаниям многочисленных свидетелей последних лет её жизни, до 12-ти часов в день, по вечерам она была окружена посетителями, в числе которых было много литераторов и учёных. В это время английский отдел Теософского Общества был уже вполне сформирован, и по четвергам собиралась первая Теософская Ложа. На этих вечерних собраниях всегда присутствовала Елена Петровна, давая ответы на многочисленные вопросы, с которыми обращались к ней члены ложи.

Она писала Вере Желиховской: «...вот что я тебе скажу: если и была когда-либо на свете столь обременённая работой жертва, так это твоя сестра. Возьми же на себя тяжкий труд пересчитать все мои занятия... Каждый месяц я пишу от сорока до пятидесяти страниц "эзотерических инструкций"... не подлежащих публикации. Пять-шесть добровольцев-мучеников... должны рисовать, чертить, писать и литографировать по ночам до 320 экземпляров этих инструкций, которые мне необходимо просмотреть, исправить, сравнить и откорректировать, чтобы не закрались ошибки...

Ты только представь себе всё это! У меня берут уроки седовласые учёные каббалисты и посвящённые масоны... Далее, на мне целиком лежит издание журнала... от передовицы и некоторых других мало-мальски живых статей для каждого номера до вычитки гранок. Далее, моя дорогая графиня д'Адемар присылает мне "La Revue Theosophique", и я не могу отказать ей в помощи. Далее, я должна чем-то питаться, как и любой другой человек, а это значит, что мне нужно писать ещё статьи, дабы заработать себе на хлеб насущный. Далее, официальные приёмы, еженедельные собрания, сопровождающиеся учёными дискуссиями, когда за спиной у меня сидит стенографист, а иногда ещё и два-три репортёра по углам, — всё это, как ты легко можешь догадаться, занимает некоторое время»¹³.

8 мая 1891 года Елена Петровна Блаватская скончалась в своём рабочем кресле, как истинный воин

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА БЛАВАТСКАЯ. 1880

Духа, каким она была всю жизнь. Её тело было предано сожжению, а пепел разделён на три части: часть сохраняется в Адьяре, другая в Нью-Йорке, третья оставлена в Лондоне. День её упокоения во всём мире отмечается под названием «Дня Белого Лотоса».

В чём же величие подвига Блаватской? Что принесла она человечеству? Сразу после её ухода на трёх континентах — в Индии, Англии и Соединённых Штатах Америки — появились статьи, посвящённые памяти Елены Петровны. Одна была опубликована 15 мая 1891 года в крупнейшей индийской газете «Индиан миррор»: «Елены Петровны Блаватской нет больше в земной сфере... Она не принадлежала к какой-то одной нации. Весь простор земли был её домом, всё человечество — её братьями... Вся жизнь её была необычайной. Нет человеческих мерок, которые можно было бы приложить к ней. Она навсегда останется единственной в своём роде...

Нам... не дано понять всю глубину этой утраты. Наша любовь к г-же Блаватской была очень личной, нам так хотелось ещё раз увидеть её в Индии во плоти... что теперь, когда смерть столь жестоко сокрушила эту надежду, мы пребываем в оцепенении, и мы пишем эти слова как будто механически.

¹³ Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. С. 666.

Мы вспоминаем облик нашей дорогой госпожи... её стремительные движения, быструю и плавную речь, свет, сиявший в её глазах, которые видели вас насквозь и выворачивали наизнанку. Мы снова видим её, по-матерински добрую и нежную и по-отечески мудрую, дарующую веру, надежду и утешение всем, кто приходил к ней со своими сомнениями и тревогами... Теософское Общество было основано именно для распространения [помимо прочего] религиозных и философских истин Веданты и буддизма среди народов Запада. Но даже в нашей стране эти истины были известны лишь отчасти. Поэтому г-же Блаватской пришлось положить немало сил, чтобы учить нас, и несколько лет её жизни стали жертвенным подвигом во имя индусов, а они отвернулись от неё, выказав свою неблагодарность именно тогда, когда она особенно нуждалась в их поддержке. Но теперь они понесли справедливое наказание. Не их, а английская земля освящена её надгробием»¹⁴.

Редактор лондонского журнала «Ревью оф ревьюз» Уильям Стед писал в выпуске за июнь 1891 года: «Среди множества разнообразных духовных учителей, внимать которым мне доводилось за время моей пёстрой журналистской карьеры, госпожа Блаватская была одной из самых оригинальных. (...) Благодаря ей наиболее образованные и трезвомыслящие мужчины и женщины нашего поколения смогли поверить — притом поверить настолько, чтобы не бояться насмешек и презреть преследования, — что в невидимом мире, окружающем нас, существуют разумы, чьи познания истины намного превосходят наши собственные, и что, более того, человеку по силам общаться с этими скрытыми и молчаливыми разумами и учиться у них Божественным тайнам Времени и Вечности... Вот это действительно великое достижение, и именно над ним заранее можно было бы посмеяться как над чем-то невозможным. И всё же она сотворила это чудо.

Госпожа Блаватская, русская... заставила видных англо-индийцев поверить в её теософскую миссию в самый разгар русофобии, а на закате дней ей удалось обратить в свою новую-старую религию Анни Безант, которая прежде много лет выступала в авангарде воинствующего атеизма. Этих двух достижений уже достаточно, чтобы назвать её женщиной выдающейся... (...) Она раздвинула горизонты сознания и вселила в самое сердце Европы девятнадцатого столетия ощущение беспредельной, безграничной тайны, характерное для некоторых восточных религий»¹⁵.

¹⁴ Крэнстон С. Е.П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Рига; Москва, 1999. С. 495 – 496.

¹⁵ Там же. С. 495.

¹⁶ Там же. С. 497.

¹⁷ Там же. С. 497 – 499.

В другой статье Стед добавляет: «Истинно или ложно учение о перевоплощении, однако вплоть до последнего десятилетия рядовой представитель Запада вообще не задумывался о нём. Теперь положение изменилось. Множество людей, по-прежнему отвергающих перевоплощение как нечто недоказанное, начинают признавать ценность такой гипотезы, объясняющей многие загадки человеческого существования... Вне всякого сомнения, положительное отношение к идее перевоплощения расширило кругозор масс... И это поистине великое достижение навсегда будет связано с именем госпожи Блаватской»¹⁶.

Нью-Йоркская ежедневная газета «Трибьюн» так откликнулась 10 мая 1891 года на кончину Е.П. Блаватской: «Едва ли какая-нибудь из женщин наших дней была так оклеветана и опорочена, как госпожа Блаватская, но, хотя она и пострадала от злобы и невежества, имеется множество признаков того, что дело её жизни себя оправдывает, выстоит и ещё послужит добру... (...) Почти двадцать лет она посвятила распространению учений, фундаментальные принципы которых носят самый возвышенный этический характер.

Какой бы утопичной ни казалась кому-то попытка в девятнадцатом веке разрушить барьеры рас, национальностей, каст и классовых предрассудков и привить дух братской любви, к которой величайший из Учителей призывал в первом веке, в благородстве этой цели может сомневаться лишь тот, кто отвергает христианство. Г-жа Блаватская полагала, что возрождение человечества должно зиждиться на развитии альтруизма. В этом она была заодно с величайшими мыслителями не только нашего, но и всех времён... (...)

Ещё в одной области... она проделала важную работу. Можно сказать, что никто из нынешнего поколения не сделал так много, чтобы заново открыть сокровища восточной мысли, мудрости и философии, так долго остававшиеся тайной за семью печатями. (...) Она неустанно стремилась научить мир тому, в чём он больше всего нуждается и нуждался всегда, а именно — необходимости самоподчинения и работы на благо других. (...) Более широкая человечность, раскрепощение мышления, готовность исследовать древние философии с более достойных позиций — всё это напрямую связано с её учением. Таким образом, г-жа Блаватская оставила свой след в современной истории. То же будет и с её работами... и если не сейчас, то когда-нибудь в будущем возвышенность и чистота её целей, мудрость и глубина её учения будут восприняты полнее, к вящей славе её, которую она по справедливости заслужила»¹⁷.

Татьяна ШУМЕЕВА

О СУРОВОСТИ*

В первой части статьи мы говорили о необходимости обновления нашего сознания, расширения и утончения его, для того чтобы оно соответствовало сознанию нового человека, ведь только так мы сможем стать участниками строительства Нового Мира.

Мы приступили к рассмотрению понятия «суровость» и, коснувшись двух аспектов этой темы, пришли к выводу, что, с одной стороны, это понятие проявляется в суровой самодисциплине, которая заключается в обуздании беспорядочных чувств и мыслей. Это достигается через послушание и смирение и ведёт к пониманию и принятию Космической воли.

С другой стороны, это суровая борьба с самим собой, которая неизбежна, если осознана необходимость личной ответственности за своё сознание. Она заключается в суровом самоанализе, в готовности беспристрастно освещать все тёмные углы собственной души и твёрдой решимости во что бы то ни стало освобождаться от всего ветхого. Это в конечном итоге приведёт к трансмутации всех внутренних огней.

Рассмотрим следующие два аспекта этого качества: постараемся понять, как согласуются между собой суровость и мягкость, и коснёмся суровой красоты подвига.

Суровость и мягкость

В книге «Агни Йога» есть такие строки: «У древних было знание о добывании психической энергии в момент размягчения зерна. Вот пример, как размягчение даёт начало движения. Каждый, знающий Учение, будет размягчителем... Суровость есть стройность. Мягкость есть создание...»¹

Окаменелые сердца человеческие нуждаются в размягчении. Размягчителем становится каждый, знающий Учение. Конечно, здесь говорится не о тех, кто уже всё прочитал и думает, что всё знает. Знающим в Учении называется вместивший, проявивший знание в жизни.

В жизнеописаниях многих подвижников можно найти соединение, казалось бы, несовместимых качеств — мягкости и суровости.

Н.Д. Спирина приводит строки о великой подвижнице XVI века, святой покровительнице Испании Терезе Авильской: «Как человек Тереза была "...терпеливой и мягкой даже тогда, когда она жестоко страдала..." Вокруг неё сформировался круг друзей,

очарованных её мужественной мягкостью и мягкой суровостью"»².

«Он был суров, но необыкновенно добр и отзывчив», — так рассказывала Наталия Дмитриевна о своём духовном учителе Борисе Николаевиче Абрамове в радиопередаче «Путь Духа»³.

В жизнеописании Преподобного Сергия, составленном Еленой Ивановной Рерих, показывается облик «вечно бодрствующего, зоркого наставника, следящего за каждым братом, особенно же за новичком, и, при всей мягкости своей, не допускающего уклонений от установленных правил»⁴. Из этого следует, что суровость Наставника проявляется в его постоянном бодрствовании, в зоркости, в верности установленным правилам, а мягкость — во взаимоотношениях с людьми, в его чувствах к ним, пронизанных пониманием, терпением и любовью.

Н.Д. Спирина в беседе с сотрудниками, затрагивая тему руководства, сказала: «Надо как-то сочетать: внешне — мягко, руководить в бархатных перчатках, но внутренне — так твёрдо, что другой бы это чувствовал. Бархатные перчатки на очень твёрдых руках. Должна быть внутренняя твёрдость, но форма — чтобы не обижала. Внутренняя твёрдость происходит от убеждённости в своей правоте. А правота — от Учения, это единственный критерий».

«Самое полезное, — читаем в книге «Община», — уметь сочетать нежность любви с суровостью долга»⁵.

«На примере любящей матери видите, как можно любить. Любить жертвенно и беззаветно, прекрасно зная и достоинства, и недостатки своего ребёнка, как можно, любя, быть всё же строгой и суровой в деле его воспитания. Суровость и строгость по отношению к ребёнку не есть осуждение, но есть суждение правды и знание его недостатков, которые надо искоренить. Любовь покрывает суровость и строгость справедливостью и успешно двигает развитие маленького человека. Так же в отношении близких по духу людей любовь к ним даёт право и на суждение правды, и на знание, и на понимание их недостатков, и на прочность единения им вопреки»⁶.

² Спирина Н.Д. Полное собрание трудов. Т. 2. Новосибирск, 2008. С. 46.

³ Там же. Т. 1. Новосибирск, 2007. С. 270.

⁴ Знамя Преподобного Сергия Радонежского. Новосибирск, 2005. С. 43.

⁵ Община. 112.

⁶ Грани Агни Йоги. X. 682.

* Окончание. Начало в № 5, 2012.

¹ Агни Йога. 557.

«...Начните думать о сердце... — пишет Елена Ивановна Рерих, — прислушайтесь и к звучанию его. Магнит сердца растёт с искренностью и устремлением. (...) Итак, горите всеми огнями! Но не принимайте сентиментальность, эту слезливую доброту, за суровое, мудрое явление сердечности»⁷. Итак, явление сердечности сурово и мудро, однако человечество в подавляющем большинстве своём именно слезливую сентиментальность принимает за милосердие и сердечность.

А вот что об этом сказано в книге «Братство»: «С одной стороны, нужно воспитывать добросердечие, с другой — нужно постичь суровость. (...) Сердце укажет, когда нужно броситься на помощь ближнему. Оно же прикажет, когда пресечь безумие ярого животного. (...) Неписаны законы сердца, но лишь в нём живёт справедливость...»⁸

Здесь дана ещё одна грань проявления суровости: «пресечь безумие ярого животного». И эта грань нуждается в более глубоком осмыслении.

В книге «Грани Агни Йоги» читаем: «Суровость явите, когда надо тьму поразить. Больно, когда вправляют вывихнутый сустав, очень больно. Но эта боль (во спасение) во благо. Излишней мягкостью можно достичь результатов обратных. Суровость не наказание, но лучший способ лечения при некоторых заболеваниях духа. Дух тоже болеет. А вы — лекари духа. Так учитесь помогать и исцелять духом и в духе духом занемогших»⁹.

Следующие строки как бы углубляют данную тему: «Терпимость следует проявить, прежде чем пытаться отмыть грязь с жемчужины духа, которая у каждого. Указать на недостатки или слабости можно, но любящей и заботливой рукою. Суровость нужна там, где упорное нежелание замечать свои недостатки или самооправдание. Хуже всего, когда человек, совершая безнравственный поступок, считает себя вправе это делать или считает безнравственность правильной»¹⁰.

Но не будем спешить с проявлением суровости к ближнему. Без явления сердечности, без любви суровость легко превращается в жестокость. «Не учитесь суровости, — пишет Е.И. Рерих В.Л. Дудко. — ...Нужно много знать, чтобы успешно применять суровость, иначе вместо пользы произойдёт вред жестокости. Не учитесь суровости у Жозефины МакЛод, за что обидела Вас? Не подумала, что её суровость может причинить боль. Такая суровость уже не есть благое

действие. Не подражайте ей, но не бойтесь отодвигать людей любопытствующих и вредных»¹¹.

Обратим внимание на последние слова. Они несколько проясняют качество, которое мы рассматриваем: суровость — это не резкое слово, не грубое действие! Но при этом, по рекомендации Елены Ивановны, сурово отодвинем любопытствующих и вредных.

Как нам отличить в жизни мудрое явление суровости от жестокости? В книге «Братство» находим разъяснение: «Суровость и жестокость совершенно различные понятия. Но люди не умеют отличать гармонию суровости от судорог жестокости. Суровость есть атрибут справедливости, но жестокость есть человеконенавистничество, от неё нет пути к Братству. (...) Не следует понимать жестокость как болезнь, она, так же как и сквернословие, будет лишь выражением низшей природы»¹².

Эту же мысль мы встречаем в книге «Надземное»: «Люди говорят о ярых действиях великих преобразователей, но в сущности такие действия имели в виду суровость и были далеки от ненависти. (...)»

Суровый преобразователь, втайне, горюет о каждом яром поступке, но ненависть ликует о каждой своей жестокости»¹³.

Е.И. Рерих в книге «Знамя Преподобного Сергия» приводит рассказ из жития Преподобного. Он связан со случаем острой нужды в Общине. Из рассказа видно, как проявлялись в жизни Подвижника эти качества — мягкость и суровость: «Одолеваемые голодом, они [братья] возроптали: "Слушаясь тебя, нам приходится умирать с голоду, ибо ты запрещаешь нам ходить в мир просить хлеба. Завтра же пойдём отсюда каждый в свою сторону и более не вернёмся, ибо не в силах более терпеть здешнюю скудность"».

Преподобный же, желая подкрепить малодушных, собрал всю братию и с обычною мягкостью, но и с твёрдостью увещевал не поддаваться искушению, говоря: "Благодать Божия не без искушений бывает; по скорби же радости ожидаем. Сказано: вечером водворится плач, а завтра радость"»¹⁴.

Зная утончённость сердца Подвижника, можно представить, как болело оно за своих страдающих братьев! Как часто в похожей ситуации мы малодушно уступаем неразумным требованиям наших близких! Нелегко было Сергию не пойти на поводу у братии. Сколько силы, сколько дисциплины духа! Вдумываясь в эту ситуацию, понимаем: суровость — есть твёр-

⁷ Письма Елены Рерих. Т. 1. Рига, 1940. С. 22 – 23 (13.10.1929 г.).

⁸ Братство. 121.

⁹ Грани Агни Йоги. 1956. 402.

¹⁰ Там же. 1955. 275.

¹¹ Рерих Е.И. Письма. Т. 7. М., 2007. С. 218 (26.02.1945 г.).

¹² Братство. 65.

¹³ Надземное. 635.

¹⁴ Знамя Преподобного Сергия Радонежского. С. 46.

дость, суровость — есть непоколебимость, суровость — есть готовность. Готовность идти до конца!

Такое руководство, сочетающее суровость и мягкость, есть величайшее милосердие. Из обуреваемых страстями, слабых, малодушных людей ученики Преподобного Сергия (братья-общинники) превращались в мужественных и бесстрашных работников Общего Блага!

В одном из писем Елена Ивановна цитирует слова Вивекананды о Владыке Будде: «Сердце Великих Духов мягко, как масло, но Они умеют дисциплинировать его». «Истинно, — добавляет она, — соизмеримость руководит ими. Соизмеримость граничит с Целесообразностью, которая царствует во всём Космосе»¹⁵.

Из всего вышеизложенного следует: если наши мысли и поступки справедливы, если в их основе лежат явления соизмеримости и целесообразности, то мягкость и суровость, не противореча друг другу, явятся теми жемчужинами духа, которые украсят нас.

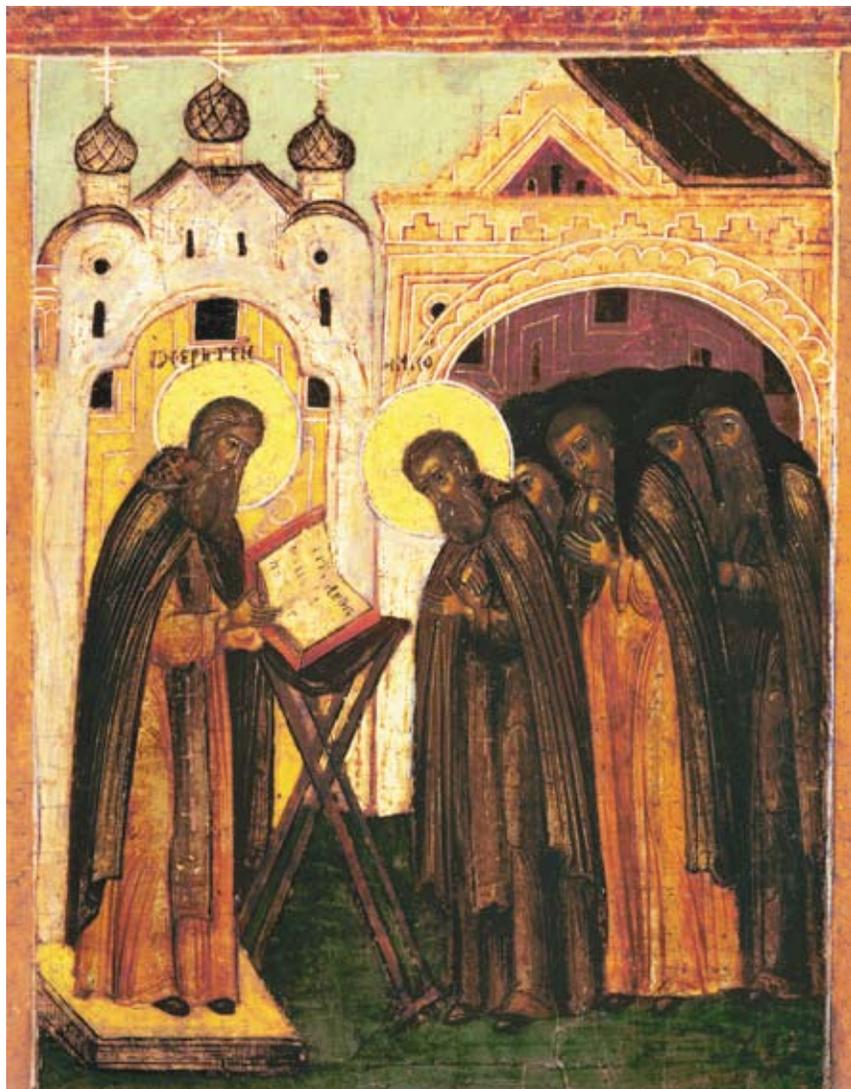
Суровая красота подвига

В книге «Озарение» есть такой параграф: «Плотно закройте забрала. На рубеже событий молчание. Накануне битвы тихо готовьте оружие. Если прежде проходили города при кликах народа, то теперь пройдём молча на рассвете. Если прежде гремели приветствия, то теперь подвиг. Нам тесно от людского почитания. Благо и суровость одно понятие. Прежде Мы посылали ветвь мира. Прежде Нашим символом был голубь, теперь же Чаша подвига. Да, каждый век имеет свой символ»¹⁶.

Итак, символ Новой Эпохи — Чаша Подвига.

«Красота может быть величаво-суровой, — записывает Б.Н. Абрамов. — В величественных явлениях природы можете видеть её. И духа суровость быть может прекрасной. Красота многогранна. Многогранность её уявляется и в человеческом духе. В подвиге привлекает Красота»¹⁷.

«Без подвига нет пути», — сказано в книге «Община»¹⁸. А в книге «Озарение» читаем: «Пусть лучшие воины святого Грааля соберутся на подвиг. Превыше всех радостей улыбка подвига. Улыбаясь,

СЕРГИЙ НАСТАВЛЯЕТ БРАТИЮ.

Фрагмент иконы «Сергий Радонежский в житии». XVII в.

примите крещение подвига. (...) Радостно примите суровость подвига!»¹⁹ Трудно представить себе радость в моменты крещения подвига, то есть в часы испытаний, однако именно к этому призывает нас Учитель.

В «Гранях Агни Йоги» есть такие строки: «...радость борьбы ещё до победы видеть Хочу на челе и в глазах. (...) Улыбка для них хуже удара... (...) Улыбка не оскал черепа, но состояние сердца, нашедшего ещё одно освобождение от тёмных тенёт. (...) Помни: "Я твоя улыбка", и если силы найдёшь тьме улыбнуться, значит, со Мной, значит, во Мне, значит, едины мы в духе. Но если суровость момента борьбы исключает улыбку, радость борьбе всё же оставь при себе. (...) Улыбка — оружие сердца. (...) Считайте победой улыбку бесстрашия тьме. (...) И если сможете раздражение, злобу, жалобы, слёзы и прочие чувства астрала заменить улыбкой — благо вам»²⁰.

¹⁵ Рерих Е.И. Письма. Т. 5. М., 2003. С. 161 (19.06.1937 г.).

¹⁶ Листы Сада Мории. Озарение. 3 – I – 4.

¹⁷ Грани Агни Йоги. IX. 404.

¹⁸ Община. 2.

¹⁹ Листы Сада Мории. Озарение. 2 – X – 2.

²⁰ Грани Агни Йоги. 1957. 123.

Скажем «нет» резиновой улыбке, с помощью которой наш астральный паяц тщетно пытается скрыть наши истинные чувства! Но улыбка, отражающая восторг и ликование духа, освобождённого из темницы страха, есть оружие Света — к такому выводу нас подводят данные строки.

«Истинное знание сурово, — пишет Е.И. Рерих, — и духовный путь суров. Лишь сильные духом могут приближаться к пути ускоренного духовного развития. И никогда путь этот не может быть облегчен, ибо лишь *личное* напряжение трансмутирует наши энергии и приводит их в необходимое равновесие. Но благо тому, чьё сердце пылает восторгом подвига, радости неземные становятся уделом его. Так зажгите все огни сердца, и восторг духа станет уделом Вашим»²¹.

«Так зажгите все огни сердца!» Кто знаком с письмами Е.И. Рерих, тот знает, как часто звучит в них этот призыв. Будем помнить, будем повторять его как мантрам!

Но как зажигаются эти священные огни? Вернёмся к письмам Елены Ивановны: «Родные, мужественные воины наши, понимаем и чувствуем сердцем всё напряжение и все трудности Ваши, но в глубине души встаёт... радость возможности явить в этой битве всю силу духа, силу, которая приобщает нас к бессмертному огню; какое же достижение может равняться этому огненному цветку Амриты?»²²

Здесь нам видится аналогия с одним из величественных явлений природы, когда из каменной лавы, в экстремальных условиях, образуются кристаллы изумительной красоты.

В «Гранях Агни Йоги» мы находим развитие этой темы: «Из сильного духа трудности жизни высекают искры света. Чем больше трудностей, тем больше искр, сливающихся в громады огней. Смотрите, как под тяжкими ударами молота летят огненные искры от кующегося меча. Так закаляется и пламенный меч духа. На каждый удар судьбы надо дать искры и вспышки огней, укрепляющих основной металл. Шлаки и нагар отлетят сами, лишь бы удары не прекращались. Мудрые печалуются, когда их одолевает благополучие и богатство. Кому же хочется тупеть, осознавая процесс оупения. Посмотрите на жизнь сильных духов: сколько борьбы, сколько трудностей, сколько преодолений и сколько достижений нетленных... Друзья, если хотите преуспевать и двигаться

быстро, забудьте о жизни привольной и лёгкой, забудьте о сладких мечтах. Примите суровость подвига как единое решение жизни и, твёрдо и крепко ступая, идите быстрее ко Мне»²³.

«Примите суровость подвига как единое решение жизни» — положим эту мысль на престол сердца, и пусть она вспоминается в часы испытаний.

А в следующем тексте мы найдём определение явления подвига жизни: «Спросят: когда же конец испытаниям? Ответьте: никогда. Данный ряд испытаний уйдёт и заменится совершенно другими... Многогранность алмаза сознания требует шлифовки всех граней. (...)»

Принятие тягостей и трудностей жизни как неизбежного условия роста духа необходимо для понижения явления пути. Это и будет тот крест, который без жалоб, сетований, недовольства и ожесточения должен взять на свои плечи и нести идущий к Владыкам. (...) Ибо несение Света, не отемнённое переживаниями личного порядка, в сочетании с явлением пути и будет подвигом жизни»²⁴.

Стяжание и несение Света через жизнь, несмотря ни на что, в сочетании с явлением пути есть подвиг жизни. Динамо-машина не вырабатывает свет без напряжения. Так и человек без напряжения не выявит Свет. Так полюбим напряжение, если это единственный способ восходить — ведь наша задача дойти до конца.

В заключение приведём описание Еленой Ивановной полного суровой красоты облика Николая Константиновича Рериха: «Истинно, жизнь наполнена чудесами, если подходить ко всему с открытым сердцем и устремлением к красоте и самоусовершенствованию, не путём всяких искусственных медитаций, концентраций и прочих механических приёмов, но в подвиге жизни. Вот этот подвиг жизни, во всей его суровой красоте, и проводит Н.К. Жизнь его есть жизнь полного самоотречения, он живёт для великого Служения. Ничто не принадлежит ему, и сам он не принадлежит себе. Каждую минуту готов он следовать малейшему Указу Владыки. Терпимость великая — природа его, и, как магнит, притягивает она самых различных людей и группирует их вокруг имени его»²⁵.

Эти слова в полной мере можно отнести и к Той, которая написала их.

Закончена статья, но не закончена работа над понятием суровости, ибо жизнь многогранна и беспредельна в своих проявлениях, а потому нет и не может быть рецептов на каждый конкретный случай.

²¹ Рерих Е.И. Письма. Т. 3. М., 2001. С. 553 (1.10.1935 г.).

²² Там же. Т. 1. С. 320 (25.05.1932 г.).

²³ Грани Агни Йоги. 1955. 491.

²⁴ Там же. V. 105.

²⁵ Рерих Е.И. Письма. Т. 2. М., 2000. С. 28 (17.02.1934 г.).

Из Записей Бориса Николаевича Абрамова

5 июня 1955 г.

Проходя через материю, мы идём через бесконечные смены форм: смены тел, одежд, обстановки, окружения, людей, обстоятельств, миров. Все эти смены — условие для всестороннего развития и беспредельного роста духа, который может законно эволюционировать только при условии вечного движения. Потому привязывать своё сознание к этим неизменно преходящим сменам бытия — значит задерживаться на своём пути, проходящем через эти формы жизни. Формы жизни предназначены для использования их всё для той же цели роста духа. Им можно отдать должное, если они прекрасны; через них можно пройти не оглядываясь, если они жутки, — но, главное, не считать их самоцелью нашего существования.

Пчела садится на цветок и собирает с него мёд, но не считает этот цветок своим пожизненным обиталищем, как бы ни был он прекрасен. Она улетает с него на другие цветы и продолжает собирать сокровище своё, не ограничивая себя каждой своей временной остановкой. Её цель — собирание квинтэссенции каждого медоносного цветка — его нектара.

Люди привязывают себя к вещам, к жилищам, к людям, хотят закрепить это навечно и терзаются, познавая невозможность сделать это. Но в самой невозможности вечного стояния на одном месте и заключается возможность нашего движения вперёд. Пусть вопреки нашей воле, но закон жизни толкает нас на дальнейшее развитие. Волей-неволей мы проходим через опыты жизни. Если это делается добровольно и с полным пониманием значения этого движения — польза для духа возрастает во сто крат.

Понимание помогает преумножению сокровищ духа. Потому «знание превыше всего». Оно делает человека властелином своей судьбы, сознательным кормчим корабля своего духа, открывает ему смысл происходящего.

Животные руководимы инстинктом. Человек руководствуется знанием. Если знание не воспринято, а инстинкт уже утерян, то что остаётся? Власть обстоятельств, под которой человек влачит неосмысленное существование. Но знание ставит обстоятельства на должное место и помогает человеку использовать их наилучшим образом.

25 марта 1951(?) г.

«Не противопоставление себя Братству, но примыкание»

До каких пор будем говорить: Они и мы? До каких пор считать, что Они — одно, а мы — совершенно другое, не имеющее к Ним никакого отношения?! Но не будет ли чересчур дерзновенно обобщать? Да. Но дерзновение заповедано. Лучшую песнь поём дерзновению. Без него не дойти и не продвинуться. Не почувствовать ответственности, не взять на себя обязательств. Мы, мол, безответственны, куда нам, а вот Они ответственны. Таким путём никогда не примкнём. Объединение начинается в сознании, прежде чем оно оформится на земле. Для нас никого нет ближе Их. Все виды земного родства и близости лишь отдельные частицы настоящей Близости. Нечего обманывать себя иллюзиями, что кто-то здесь любит нас по-настоящему. Только Учитель, только Они могут любить по-настоящему. Они всё отдали нам, Они живут для людей. Они ждут нас. В тайниках сердца мы тоже хотим быть такими же, хотя «я» плоти и противодействует. Но сердце устремляется, но тонкое тело летит туда. Не всегда мы слышим эти устремления нашей сокровенной сущности, но они есть и моментами вспыхивают озарениями. Мы тоже стремимся к благу. Мы тоже хотим помогать. Мы тоже любим прекрасное. Потому мы вместе. Правда, наши духовные размеры относятся к Их размерам как капля к океану. Но ведь капли тоже часть океана. И сущность равноподобна. Нет границ, нет преград, кроме как в сознании. Если мы хотим этого, то мы и вместе. Если мы хотим быть достойны этого, то и будем. Когда перейдём грань сознания, противопоставляющую нас Им, то из берущих станем дающими, из ожидающих действующими, из ненавидящих любящими. И жизнь преобразится. Капля, ставшая океаном, получит мощь океана, его движение, его глубины. Путь к Братству есть примыкание к Братству. Другого способа дойти нет. Самые длинные, самые сложные пути всё равно приведут к этому кратчайшему. А сейчас время кратчайшего пути. Это особенность нашего времени. Тот, кто её не понимает, тот проспит неповторимую возможность, даваемую лишь на смене рас и эпох. И Они сейчас так близко, что ощущаются почти физически. Только наш грубый глаз не может Их увидеть, но глаз сердца видит. И Они хотят быть не богами, но сотрудниками. И Они ждут нас.

СОБЕСЕДОВАНИЯ

Ответы Н. Д. Спириной на вопросы присутствующих на «круглых столах» Сибирского Рериховского Общества

«Можно много бродить около механических построений, но двигаться в будущее можно лишь познанием Агни. Когда умертвятся целые материки, как же найти новые жилища без новой энергии? Необходимо подготовить духовное сознание к большим земным переворотам — это в лучшем случае; но если мы встретимся у последней черты в прежней чёрной ненависти, то люди будут лишь пороховым погребом. Так находчиво помыслим об Агни» (Мир Огненный. II, 8).

О каких жилищах здесь говорится и какова связь между новыми жилищами и новой энергией?

Если умертвятся материки и люди впадут в уныние, в отчаяние — это же будет смерть энергии, и тогда они не смогут приспособиться, не смогут найти новые жилища, новые условия жизни и пропадут. Таким образом, только Агни, только энтузиазм, вера в то, что им помогут Свыше, — только это поможет в новых условиях, после катаклизмов, когда действительно могут целые материки уйти, как когда-то ушла Атлантида. Но вместо неё выдвинулась Америка, и она как-то выжила. Так же и тут придётся. Без психической энергии мы, конечно, ничего не сможем преодолеть в данных условиях. Значит, надо готовить своё сознание, чтобы не было ненависти, а было доброжелательство, тогда и условия будут такие, что мы сможем приспособиться к новым обстоятельствам. Всё Учение Живой Этики — это тоже в своём роде подготовка к каким-то новым, небывалым условиям на Земле; Живая Этика не была бы дана, если бы всё было по старинке, значит, готовится что-то новое. И мы знаем о переполнюсовке, можем ожидать, что и материки будут перемещаться, и климат меняться, и растительный и животный мир могут стать другими. Но если у нас есть Агни — мы мобилизуем его и приспособимся, и сами не пропадём, и другим поможем.

Что такое внутреннее молчание даже при внешних словах?

Это очень высокая степень духовности, когда вы можете говорить, можете действовать активно, что-то делать, общаться с людьми, но внутри вас, в вашем духовном сознании, будут тишина и спокойствие. Но это возможно тогда, когда ваша духовная сущность, ваш дух уже настолько развит, что его ничто не затра-

гивает, что бы вы ни делали. Это, к сожалению, ещё не наша ступень, потому что мы целиком включаемся, если что-то делаем или говорим. Высшее начало в нас ещё не так сильно, чтобы хранить спокойствие и внутреннее молчание, но к этому, конечно, надо стремиться. Иначе нас будут выводить из равновесия по всякому поводу, а поводов, как известно, достаточно.

В «Гранях Агни Йоги» указывается полезность для слушателей из Тонкого Мира чтения вслух книг Живой Этики. Не повредит ли это детям, предположим, находящимся в другой комнате или случайно зашедшим?

Сказано: пространство наполнено и переполнено. Это мы не видим, но оно совсем не пустое и наполнено теми, кто с нами созвучен. Значит, нас слушают те, кто интересуется Живой Этикой и подобными вопросами. Те, кто не интересуется, идут в другие места: низшие духи идут в притоны, там они развлекаются около пьяниц и так далее. Но те, которые хотят познания, они слушают нас. Я помню, во время наших занятий с Борисом Николаевичем в Харбине он говорил: «Нас ведь очень многие слушают, и это им очень полезно. А когда мы уедем (мы уже собирались ехать на Родину), куда они пойдут?»

Слушать Живую Этику будут духи, созвучные нам, то есть духи положительные. Мы же не злодеи какие-нибудь и не говорим ничего вредного или безобразного. Поэтому, если дети зайдут в комнату, где мы говорим о Живой Этике и какие-то тонкие существа, может быть, жадно слушают и созвучат нам (иначе они бы ушли и не были около нас), то детям это не только не повредит, но даже наоборот — побыть в комнате, где говорят о Живой Этике или читают её, очень хорошо, если это их не затрудняет. С детьми надо всё-таки по сознанию обращаться. Но если они в этой же комнате и не реагируют отрицательно на то, что говорится, то никакие тонкие сущности им не повредят. А если в этой комнате будут происходить драки, раздражения, ругань, то они привлекут таких же сущностей из Тонкого Мира, и эти сущности детям могут повредить.

Как можно говорить с детьми о культуре поведения?

В книге «Искусство творить взаимоотношения»

о культуре поведения достаточно сказано. Затем можно перейти к вопросу о карме. Почему не надо плохо поступать с ближними — избивать, воровать или ещё что-то? Возьмите сказку Л.Н. Толстого «О карме» (она ему очень понравилась, и он её перевёл) — её можно читать всем, потому что она слушается как приключенческий рассказ. Тогда и культуру поведения можно с этим связать. Словом, от самого обыденного можно подвести к чему-то важному. И всю высоконаравственную детскую литературу — как у Льва Толстого, у других наших классиков — надо изучить. Например, всем известный «Аленький цветочек» С.Т. Аксакова — дочь так любила своего отца, что пошла к страшному чудовищу. Отчего она это сделала? Ведь другие сёстры не пошли. Эта любовь, преданность своему отцу — это тоже ведь впечатляет, правда? Эти сказки можно сопровождать комментариями и беседами: как вы считаете, почему эта девушка пришла к чудовищу? — Чтобы спасти отца. Как же она относилась к отцу и почему к нему надо так относиться? На каждой хорошей сказке можно целую беседу построить, потому что все они имеют, конечно, этическую подоплёку.

Из Учения мы знаем, что на Землю из Космоса идут мощные энергии, или огонь, который выявляет в людях всё хорошее и всё дурное. Как это связано с разговорами о конце света?

И Священное Писание, и «Апокалипсис», в котором об этом говорится, — это всё, конечно, символы. Из Космоса идут новые энергии, и будет не страшный суд — будет *самосуд*, то есть каждый человек определит свою позицию — может ли он принять Новый Мир. Новые энергии несут и новые условия жизни, и новый настрой человека, его состояние духовное. Если в человеке нет ничего дурного, то никакая тёмная сила его на это не толкнёт. А если он, скажем, корыстный — его тёмные толкнут украсть или продать кого-то за деньги. Точно так же и эти новые энергии. Я живу очень давно и знаю, как медленно в 1940–1950-х годах распространялось Учение Живой Этики. Примет Учение один или двое — так это целое событие! А что происходит сейчас? Тысячи вдруг загораются в самых неожиданных местах: «Подайте нам духовную пищу, мы без неё жить не можем!» Готовы на всё, готовы ехать, приглашают к себе. Почему? Это уже воздействие новых энергий. Они уже благотворно воздействуют на дух тех, которые имеют какие-то накопления. Три месяца люди читают Учение, а к ним уже тянутся — давай им хлеб насущный! Значит, это люди уже готовые к

Новому Миру, готовые его принять, им только нужны фактические знания.

В то же время растёт чудовищная преступность. Почему? Опять-таки эти энергии, те самые, о которых мы говорили, пробуждают в людях потенциал зла. Может быть, эта преступность тлеет бы в них ещё несколько воплощений, а тут всё разом выявилось. Эти энергии толкают их на совершенно немотивированные убийства, на садизм, на рекетёрство. Люди определяются, отбираются уже по существу. И когда-то энергии достигнут такого уровня, что люди, которые с ними гармоничны, ещё больше возрастут, как писал апостол Павел: «Праведник пусть святится ещё, а грешник пусть сквернится ещё». И грешники действительно на наших глазах всё больше и больше сквернятся, и в конце концов они не выдержат. Огонь будет возрастать, он их и уничтожит.

Это будет действительно конец света — конец *старого света*, но не конец земного бытия, то есть Земли как планеты — от этого нас стараются уберечь, чтобы сохранить планету, иначе нам негде будет эволюционировать в сферах пространства. Идёт отбор, и это будет не конец Земли, а начало Нового Мира и возрождение тех, кто способен его принять. Все люди сейчас поделились на людей доброй воли и людей злой воли, независимо ни от национальности, ни от вероисповедания. Конечно, Живая Этика помогает понять суть происходящего. А некоторые удержатся своими природными качествами.

Н.Д. СПИРИНА

Грани Агни Йоги, II, 314

Мир старый последние дни

доживает,

Мир новый на смену идёт.

Кончается ночь, наступает восход.

Кто с тьмою сроднился,

тот с нею уйдёт;

Кто к Свету стремился —

теперь воскресает;

И Град заповедный готов он узреть,

И новое Небо, и новую Твердь.

«Так начинают жить стихом»*

Воспоминания о Н. Д. Спириной

С.А. Деменко: Нередко мы слышали от Наталии Дмитриевны такие слова: «Чем больше поэтов, тем лучше для планеты». Чем же важны поэты для планеты?

Понимание поэзии приходило ко мне по мере проникновения в глубину значения её. Зёрна, упавшие в почву, должны дождаться благоприятных условий, чтобы они могли прорасти и дать урожай. Так же происходит и в жизни идей. Идеи Нового Мира — это зёрна, которые проникают в души людей через лучшие образцы и формы слова, дают обильный урожай и вновь творят тот мир, откуда они родом. Искра, зародившаяся где-то высоко, в Мире Высшем, должна упасть в земной мир и прорасти в тех душах, куда она смогла проникнуть, кто смог её разглядеть, кто привлечён её необычностью, — то есть дать ростки Нового Мира. Ведь люди должны утвердить этот Мир на земле с помощью этих идей, а идеи передаются нам через лучшие образцы искусства и поэзии, потому достижения мировой поэзии, и русской особенно, — это как воздух для ищущих сердец. Когда же речь заходила о поэтах Сибирского Рериховского Общества, то здесь, конечно, мы могли руководствоваться только тем, что говорила об этом Наталия Дмитриевна, она имела на это право.

Н.М. Кочергина: Свою задачу Наталия Дмитриевна видела в том, чтобы облечь Живую Этику в поэтическую форму и сделать эту форму наиболее зовущей и убедительной. В этом она видела своё назначение как поэта. Что касается высказывания Наталии Дмитриевны «чем больше поэтов, тем лучше для планеты», то в нём выражено её глубокое убеждение в том, что слова и мысли, облечённые в красивую, ритмическую, поэтическую форму, — сильнее, убедительнее и ярче, чем слова о том же, выраженные прозаически. Другими словами, та же самая мысль, высказанная в прозе, но переведённая на язык поэзии, более действенна, более значительна, а значит, и более огненна и потому сильнее воздействует на людей. В этом значение и ценность поэзии.

О себе Наталия Дмитриевна говорила, что в стихах она смогла сказать больше, чем в прозе. Представить себе, что её поэзии нет, — просто невозможно.

И.И. Сереброва: Общаясь со многими людьми, Наталия Дмитриевна нередко интересовалась, пишут

ли они стихи. Вопрос на эту тему она задавала и мне. В то время я стихов не писала. Ещё со школьных лет у меня сложилось представление о том, как творит поэт: вот он берёт бумагу, ручку, начинает писать строчку за строчкой — и стихотворение готово. Таких способностей я за собой не наблюдала и потому считала, что никогда не смогу писать стихи. Но однажды мне посчастливилось быть свидетелем рождения поэтического произведения.

Это было летом 2001 года. Наталия Дмитриевна готовилась к «круглому столу» — работала над Словом, посвящённым серии картин Н.К. Рериха «Санкта», и я ей помогала. Вдруг Наталия Дмитриевна произнесла: «Тебя никто рукой не сотворил», — и попросила записать эти слова. Я записала, но вначале не поняла, что это была первая строчка нарождающегося стихотворения. Через какое-то время Наталия Дмитриевна попросила записать следующие строки. Так у меня на глазах родилось стихотворение по картине Н.К. Рериха «И Мы видим», — очень короткое, всего четыре строчки, но это было настоящее стихотворение:

*Тебя никто рукой
не сотворил,
Себя в Нерукотворном Лице
Ты открыл,
Чтобы Тебя познав,
смогли стремиться мы
К Надземному —
поверх земной тюрьмы!*

(4.08.2001 г.)

Конечно, такое забыть невозможно — ты словно явился свидетелем какого-то чуда. И ещё ощущалась необыкновенная радость. Потом в течение нескольких месяцев Наталия Дмитриевна написала стихи к каждой из картин серии «Санкта». Это был настоящий подарок всем нам.

С.А. Деменко: Хочется отметить, что Наталия Дмитриевна очень хорошо умела разглядеть в людях зачатки талантов и творческих возможностей. Сейчас мы понимаем, что для неё мы были как открытая книга. А тогда было непонятно, почему она постоянно спрашивала: «А Вы пишете стихи? Не хотите ли попробовать?» И поскольку эти вопросы звучали часто — или во время наших встреч, или по

* Окончание. Начало в №№ 4, 5, 2012.

телефону, — то, естественно, они вызывали ответный вопрос: а могу ли я вообще это делать? Наталия Дмитриевна видела возможности, поэтому и побуждала. Я даже в шутку говорил: «Наталия Дмитриевна, Вы — побудительница сканд». Сканды, данные человеку в определённом сочетании на эту жизнь, изменить нельзя, но пробудить творческие наклонности можно. И Наталия Дмитриевна замечательно это делала — тонко, деликатно, ненавязчиво, без нажима, но постоянно прикасаясь к этим струнам. Конечно, это не могло не сказаться.

И когда начали выходить сборники стихов «Огни трудов», то это действительно были огни наших совместных с Наталией Дмитриевной трудов. То, что в Сибирском Рериховском Обществе начали писать стихи, — это, конечно, целиком заслуга Наталии Дмитриевны Спириной. Без неё почти никто не написал бы ни строчки.

Многие стихи появились как дань признательности Наталии Дмитриевне, так у меня родился целый поэтический цикл, посвящённый ей, — «Цветы признательности»:

*В улыбке Вашей счастье и покой,
В улыбке Вашей радость созиданья,
В ней отразился огнезарный бой
За Новый мир, за чистоту сознанья.
Улыбка Ваша нам явила Свет
Далёких, но родных планет.*

* * *

*Весть Красоты, гармония искусства,
Свет Знания, что Вы явили нам,
Рождают в сердце неземные чувства,
И дух стремится к новым Небесам.*

*И дух дерзает в новые пределы,
К сиянью звёзд и чистоте планет,
Где места нет сердцам окаменелым,
Где мир, гармония и несказанный Свет.*

(Сергей Деменко)

Полистав сборники «Огни трудов», можно увидеть, сколько таких цветов расцвело и у других поэтов.

Посвящается Н.Д. Спириной

*Когда мы думаем о Вас,
Стихи как песня в сердце льются.
Откуда-то слова берутся,
Когда мы думаем о Вас.*

НАТАЛИЯ ДМИТРИЕВНА СПИРИНА. 4 мая 1999 г.

*Когда мы думаем о Вас,
В кромешной тьме, в час предрассветный
Вдруг проступает проблеск светлый,
Когда мы думаем о Вас.*

*Благодарим судьбу за то,
Что в миг тяжчайших испытаний,
Страданий, горестей, исканий
Возможность думать есть о Вас.*

*Стремленье к цели сблизит нас,
Сознанье радостно проснётся,
И с Духом дух соприкоснётся,
Когда мы думаем о Вас.*

(Людмила Ефимова)

С.А. Деменко: Когда только начинаешь писать стихи, нет чёткого критерия — хорошо это или плохо, он вырабатывается гораздо позже, когда есть с чем сравнить, когда уже появляется какая-то уверенность. Поэтому, принося каждый новый стих Наталии Дмитриевне, я всегда испытывал некоторый трепет: не написал ли я что-то такое, что может быть неправильно понято, может быть, какие-то неудачные образы. Но она всегда поддерживала, постоянно возвращалась к отдельным строфам или строкам, которые ей особенно понравились. Иногда от неё можно было услышать, что эти стихи действительно не похожи ни на какие другие, и этот отзыв, пожалуй, был самый ценный — когда стихи не подражательные, а передают образ, родившийся изнутри, и этот образ самостоятельный, он имеет звук, цвет, оригинальную форму. Этим и должны, наверное, отличаться настоящие стихи.

И.И. Сереброва: Открытие в каждом из нас поэтической струнки — это сродни какому-то рождению, и это было замечательно.

Когда у кого-нибудь появлялось новое стихотворение, мы переписывали его на большой лист крупными буквами, чтобы Наталия Дмитриевна могла легко прочесть. Конечно, мы волновались, ждали её оценки или какого-то совета и были далеко не уверены в совершенстве формы. Вначале Наталия Дмитриевна читала глазами, а затем вслух. Своим прочтением она словно одухотворяла стихотворение, вдыхала в него жизнь. Такое происходило не часто, но всем запомнились эти необыкновенные моменты, которые можно назвать своего рода волшебством.

Посвящается Н.Д. Спириной

*Вмещаая всех, кто устремился к Свету,
Кто радостью и творчеством горит,
Вершите Вы спасение планеты,
Явив собою пламенный магнит.*

*И те сердца, что отреклись от тлена,
Идут за Вами, словно за Звездой,
Чей свет спасает узников из плена,
Надежду дарит и зовёт на бой.*

*Ваши утончённый облик,
взгляд и слово —
Роднее их на свете не найти.
Позвольте же встречаться с Вами снова
На этом нескончаемом пути!*

(Ирина Сереброва)

Наталия Дмитриевна очень рекомендовала всем пишущим не пренебрегать изучением правил стихосложения, не надеяться только на внутреннее чувство, на интуицию, — должно быть именно знание, а иначе не будет никакого развития. В первую очередь Наталия Дмитриевна обращала наше внимание на качество, она говорила: «Содержанием вы уже овладели, а форму нужно шлифовать, тщательно подбирать слова, искать удачные выражения, чтобы это было нешаблонно, неповторяемо, оригинально, и в то же время форма должна быть классической».

Наталия Дмитриевна говорила, что поэты должны быть очень наблюдательны по отношению к окружающей жизни, к природе. Эта наблюдательность поможет создавать более глубокие стихи. Она отмечала, что, изучая Учение, мы уже становимся немного другими, иначе смотрим на окружающий мир — через призму Учения. Наше мировоззрение отражается в наших творениях, и стихи, например, о природе становятся уже не просто описательными — это философский взгляд на природу. Если мы ищем в природе нечто прекрасное, то мы должны точно так же искать и прекрасные слова для выражения этой красоты.

С.А. Деменко: Благодаря творческой атмосфере вокруг Наталии Дмитриевны у нас родилась идея о проведении Дня поэзии. Она согласилась на наше предложение; мы назвали его Днём рериховской поэзии и стали проводить его в день её рождения. К этому Дню она даже написала Слово, которое теперь звучит ежегодно 4 мая.

В этот день в Музее Н.К. Рериха собирается много людей, и это всегда праздник — праздник поэзии, пробуждения природы, пробуждения сознания. Мы уверены, что традиция проведения этого праздника никогда не угаснет, ведь поэзия Новой Эпохи будет только всё больше процветать с пробуждением сознания людей и с утверждением этой Новой Эпохи, к которой стремится всё человечество.

После первого Дня рериховской поэзии Наталия Дмитриевна предложила основать серию сборников стихов поэтов СибРО и назвать её «Огни трудов». Эти сборники выпускаются по итогам поэтического года — от мая до мая.

И.И. Сереброва: День рериховской поэзии зародился очень органично — он не был искусственно придуман, а явился результатом той деятельности, которая велась в СибРО Наталией Дмитриевной. Если есть поэты — значит, есть стихи и их нужно читать. Конечно, их можно читать в любое время, но

Наталья Дмитриевна Спирина среди сотрудников СибРО. 4 мая 2002 г.

когда существует праздник, который проходит раз в году в определённый день, то это способствует общению людей к поэзии. Насколько эта традиция будет входить в жизнь и развиваться, зависит только от нас. Она не может иметь каких-либо условных границ, как не имеет границ Учение Живой Этики. Ведь рериховская поэзия — это Учение в поэтической форме.

С.А. Деменко: Жизнь наполнена трениями, событиями, которые высекают искры. И эти искры иногда давали рождение строчкам, стихам. Наталья Дмитриевна это особенно отмечала. Например, она любила повторять фразу из стихотворения, которое появилось как отклик на конкретную ситуацию: «Что нам золото-серебро? Мы единое СибРО!». Эта фраза приводила её в восторг.

Она особенно отмечала всё, что было необычно, и учила нас внимательно относиться ко всем искрам необычности. И это творило какую-то новую атмосферу, преображающую нас, и мы по-другому начинали относиться к трудностям. Это помогало преодолевать всё — и затруднения, и лишения, и сложности сотрудничества, и сложности самосо-

вершенствования — всё, с чем человек постоянно встречается на своём пути.

Посвящается Н.Д. Спириной

*Как чудом солнечного света
Творится таинство зари,
Преображается планета
И сказку жизни дух творит,*

*Так Ваше сердце озаряет,
И пробуждает, и хранит,
И дух на подвиг вдохновляет,
Являя истинный магнит.*

*Сиянием любви и света
Вы наполняете сердца
И нас готовите к расцвету
Чудесных замыслов Творца.*

(Сергей Деменко)

2011 г.

Интервью взяла Татьяна Деменко

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ОБ ИСКУССТВЕ

«Настоящее произведение искусства делает то, что в сознании воспринимающего уничтожается разделение между ним и художником, и не только между ним и художником, но и между ним и всеми людьми, которые воспринимают то же произведение искусства. В этом-то освобождении личности от своего отделения от других людей, от своего одиночества, в этом-то слиянии личности с другими и заключается главная привлекательная сила и свойство искусства»¹.

«Бывает, что люди, находясь вместе, если не враждебны, то чужды друг другу по своим настроениям и чувствам, и вдруг или рассказ, или представление, или картина, даже здание и чаще всего музыка, как электрической искрой, соединяет всех этих людей, и все эти люди, вместо прежней разрозненности, часто даже враждебности, чувствуют единение и любовь друг к другу. Всякий радуется тому, что другой испытывает то же, что и он, радуется тому общению, которое установилось не только между ним и всеми присутствующими, но и между всеми теперь живущими людьми, которые получают то же впечатление; мало того, чувствуется таинственная радость загробного общения со всеми людьми прошедшего, которые испытывали то же чувство, и людьми будущего, которые испытают его»².

«Жизнь — тем более жизнь, чем теснее её связь с жизнью других, с общей жизнью. Вот эта-то связь и устанавливается искусством в самом широком его смысле»³.

«Моё желание писать всё только оттого и происходит, что хочется передать другим людям то, что нам всем дано и чего я так долго не знал и что делает всех нас счастливыми»⁴.

«Я полагаю, что задача пишущего человека одна: сообщить другим людям те свои мысли, верования, которые сделали мою жизнь радостною»⁵.

«Одно только опасно: писать только вследствие рассуждения, а не такого чувства, которое обхватывало бы всё существо человека. (...) Одинаково, по-моему, дурно и вредно писать безнравственные вещи, как и писать поучительные сочинения холодно и не веря в то, чему учишь, не имея страстного желания передать людям то, что тебе даёт благо»⁶.

«Задача искусства должна заключаться в том, чтобы

внести в жизнь свет истины, осветить мрак жизни и указать истинный смысл её»⁷.

«...Только этим путём, то есть своим приближением к совершенству, мы можем воздействовать на других, — налиться должна лейка доверху, чтоб из неё потекло, — и воздействие будет через нашу жизнь и через слово устное и письменное, насколько это слово будет частью и последствием жизни, насколько от избытка сердца будут говорить уста»⁸.

«Какая огромная разница между таким философствованием, при котором играешь словами, и таким изложением мысли, при котором готовишься жить и умереть на основании тех слов, которые высказываешь»⁹.

«...Если человек не стремится всеми силами делать то, что он говорит, то он никогда и не скажет хорошо того, что надо делать, никогда не заразит других»¹⁰.

«Искусство есть умение изображать то, что должно быть, то, к чему должны стремиться все люди, то, что даёт людям наибольшее благо»¹¹.

«...Для того, чтобы производить то, что называют произведениями искусства, надо, чтобы человек ясно, несомненно знал, что́ добро, что́ зло, тонко видел разделяющую черту и потому писал бы не то, что есть, а что должно быть. А писал бы то, что должно быть, так, как будто оно есть, чтобы для него то, что должно быть, — было бы»¹².

«Правду узнает не тот, кто узнает только то, что было, есть и бывает, а тот, кто узнает, что должно быть по воле Бога. Напишет правду не тот, кто только опишет, как было дело и что сделал тот и что сделал другой человек, а тот, кто покажет, что делают люди хорошо, то есть согласно с волей Бога, и что дурно, то есть противно воле Бога. Правда — это путь. Христос сказал: "Я есмь путь, и истина, и жизнь". И потому правду знает не тот, кто глядит себе под ноги, а тот, кто знает по солнцу, куда ему идти.

Все словесные сочинения и хороши и нужны не тогда, когда они описывают, что было, а когда показывают, что должно быть; не тогда, когда они рассказывают то, что делали люди, а когда оценивают хорошее и дурное, когда показывают людям один тесный путь воли Божией, ведущей в жизнь.

Для того же, чтобы показать этот путь, нельзя описывать только то, что бывает в мире. Мир лежит во зле и соблазнах. Если будешь описывать много лжи, и

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 15. М.: Худож. лит., 1960 – 1965. С. 180.

² Там же. С. 191.

³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 65. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1929 – 1958. С. 220.

⁴ Там же. Т. 64. С. 269 – 270.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 18. С. 14.

⁷ Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М., 1978. С. 255.

⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 64. С. 235 – 236.

⁹ Там же. Т. 67. С. 266 – 267.

¹⁰ Там же. Т. 66. С. 417.

¹¹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 19. С. 512.

¹² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 64. С. 15.

в словах твоих не будет правды. Чтобы была правда в том, что описываешь, надо писать не то, что есть, а то, что должно быть, описывать не правду того, что есть, а правду Царствия Божия, которое близится к нам, но которого ещё нет»¹³.

«Художник только потому и художник, что он видит предметы не так, как он хочет их видеть, а так, как они есть. Носитель таланта — человек — может ошибаться, но талант, если ему только будет дан ход... откроет, обнажит предмет и заставит полюбить его, если он достоин любви, и возненавидеть его, если он достоин ненависти»¹⁴.

«Дело не в том, чтобы писать, а в том, чтобы жить христианскою жизнью; вот величайшее художественное произведение, доступное человеку. Будем же стараться его производить, а по мере достижения этого и наши слова и писания будут хороши и нужны людям»¹⁵.

«Искусство по силе своего влияния почти равно религии. (...) А религия служит только вере, значит, самому высокому, что есть в душе. И как те религии, которые служат не вере, не душе, а чему-то другому, теряют своё значение, так и искусство, если оно преследует цели забавы для тех, кто им пользуется, становится неизбежно для тех, кто ему служит, ремеслом, требующим только технического совершенствования. И тогда оно является уже не благом, а злом...»¹⁶

«Великая литература рождается тогда, когда пробуждается высокое нравственное чувство»¹⁷.

«Произведение искусства хорошо или дурно от того, что говорит, как говорит и насколько от души говорит художник.

Для того, чтобы произведение искусства было совершенно, нужно, чтобы то, что говорит художник, было совершенно ново и важно для всех людей, чтобы выражено оно было вполне красиво и чтобы художник говорил из внутренней потребности и потому говорил вполне правдиво.

Для того чтобы то, что говорит художник, было вполне ново и важно, нужно, чтобы художник был нравственно просвещённый человек, а потому не жил бы исключительно эгоистичной жизнью, а был участником общей жизни человечества.

Для того чтобы то, что говорит художник, было выражено вполне хорошо, нужно, чтобы художник овладел своим мастерством так, чтобы, работая, так же мало думал о правилах этого мастерства, как мало думает человек о правилах механики, когда ходит. А чтобы достигнуть этого, художник никогда

не должен оглядываться на свою работу, любоваться ею, не должен ставить мастерство своей целью, как не должен человек идущий думать о своей походке и любоваться ею.

Для того же, чтобы художник выражал внутреннюю потребность души и потому говорил бы от всей души то, что он говорит, он должен, во-первых, не заниматься многими пустяками, мешающими любить настоящему то, что свойственно любить, а во-вторых, любить самому, своим сердцем, а не чужим, не приоткрываясь, что любишь то, что другие признают или считают достойным любви»¹⁸.

«С тех пор как были люди, истинное искусство, то, которое высоко ценилось людьми, не имело другого значения, как выражение науки о назначении и благе человека. Всегда и до последнего времени искусство служило учению о жизни, — только тогда оно было тем, что так высоко ценили люди»¹⁹.

«Гладких, жуирующих* и самодовольных мыслителей и художников не бывает. Духовная деятельность и выражение её, действительно нужные для других, есть самое тяжёлое призвание человека — крест, как выражено в Евангелии. И единственный, несомненный признак присутствия призвания есть самоотвержение, есть жертва собой для проявления вложенной в человека на пользу другим людям силы. Без мук не рождается и духовный плод»²⁰.

«Во всякой добродетели самоотречение, самозабвение есть первое дело, так и в искусстве. Писатель не должен быть виден...»²¹

«Когда мы пишем, мы стараемся скрыться самим не потому, что такой приём принят, а потому, что мы знаем, что то, что свято и истинно — не мы как личность, а то, что поняла эта личность»²².

«...Нельзя по своей воле писать, что и как хочешь. Писать... глупости можно, но писать такие вещи, которые тронут сердца людей, нельзя по своей воле. Одно, что от нас зависит, это то, чтобы быть наиболее чистым проводником этой силы, не задерживая её и не загрязняя её своим»²³.

«Серьёзный писатель должен писать так, чтобы иметь в виду только то, что его прочтут уже после его смерти»²⁴.

«...Человек проявит свою индивидуальность не тогда, когда он будет заботиться о ней, а тогда, когда он,

¹³ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 15. С. 40 – 41.

¹⁴ Там же. Т. 16. С. 368.

* Жуир (от фр. jouir — наслаждаться) — человек, ищущий наслаждений, кутила.

²⁰ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16. С. 373.

²¹ Маковицкий Д.П. Яснополянские записки // Литературное наследство. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860 – 1890 гг. Т. 90, кн. 3. М.: Наука, 1979. С. 80.

²² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 64. С. 75.

²³ Там же. Т. 67. С. 35 – 36.

²⁴ Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 17.

¹³ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 15. С. 38.

¹⁴ Там же. С. 265 – 266.

¹⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 64. С. 58.

¹⁶ Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 92 – 93.

¹⁷ Там же. С. 156.

забыв о ней, будет по мере своих сил и способностей делать то, к чему его влечёт его природа. (...)

Смешная забота об индивидуальности. Предоставим Богу это или природе. Они уж позаботятся об индивидуальности»²⁵.

«...Индивидуальность у писателя? Индивидуальность — это искренность. Если будете искренним, тогда всегда будете и индивидуальным»²⁶.

«Художник, для того чтобы действовать на других, должен быть ищущим, чтоб его произведение было исканием. Если он всё нашёл и всё знает и учит или нарочно потешает, он не действует. Только если он ищет, зритель, слушатель, читатель сливается с ним в поисках»²⁷.

«Произведение искусства только тогда настоящее, когда воспринимающий не может себе представить ничего иного, как именно то самое, что он видит, или слышит, или понимает. Когда воспринимающий испытывает чувство, подобное воспоминанию, — что это, мол, уже было и много раз, что он знал это давно, только не умел сказать, а вот ему и высказали его самого. Главное, когда он чувствует, что это, что он слышит, видит, понимает, не может быть иначе, а должно быть именно такое, как он его воспринимает. Если же воспринимающий чувствует, что то, что ему показывает художник, могло бы быть и иначе, видит художника, видит произвол его, тогда уже нет искусства»²⁸.

«Надо, чтобы созрела мысль, созрела настолько, чтобы вы горели ею, плакали над ней, чтобы она отравляла вам покой. Тогда пишите. Содержание придёт само»²⁹.

«Искусство не есть наслаждение, утешение или забава; искусство есть великое дело»³⁰.

«Несчастливы люди, то есть существа, одарённые разумом и даром слова, когда они и то и другое употребляют для того, чтобы жить как животные»³¹.

«Радость жизни без соблазна есть предмет искусства»³².

«Мысль же есть та сила, которая движет жизнью и моей, и всего человечества. И потому несерьёзно обращаться с мыслью есть грех большой, и "verbicide" [убийство слова] не меньше грех, чем "homicide" [убийство человека]»³³.

Художник будущего «не будет знать всего разврата технических усовершенствований, скрывающих отсутствие содержания, и... будучи непрофессиональным художником и не получая вознаграждения за свою

деятельность, будет производить искусство только тогда, когда будет чувствовать к этому неудержимую внутреннюю потребность»³⁴.

«...Идеалом совершенства будущего будет... не громоздкость, неясность и сложность формы, как это считается теперь, а, напротив, краткость, ясность и простота выражения»³⁵.

«Надо стараться довести свою мысль до такой степени простоты, точности и ясности, чтобы всякий, кто прочтёт, сказал бы: "Только-то? Да ведь это так просто!" А для этого нужно огромное напряжение и труд»³⁶.

«Простота же мысли... происходит от двух противоположных причин: от совершенного непонимания вопроса и от глубокого, всестороннего изучения его. ...Разумеется, надо думать просто по второй, а не по первой причине»³⁷.

«...Простота — необходимое условие прекрасного. Простое и безыскусственное может быть нехорошо, но непростое и искусственное не может быть хорошо»³⁸.

«Простота — необходимое условие и признак истины»³⁹.

«Талант — это любовь. Кто любит, тот и талантлив»⁴⁰.

«Главная цель искусства... та, чтобы проявить, высказать правду о душе человека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простым словом. От этого и искусство»⁴¹.

«Самое важное в произведении искусства — чтобы оно имело нечто вроде фокуса, то есть чего-то такого, к чему сходятся все лучи или от чего исходят. И этот фокус должен быть недоступен полному объяснению словами. Тем и важно хорошее произведение искусства, что основное его содержание во всей полноте может быть выражено только им»⁴².

«Удивительно! Что такое музыка? (...) В живописи, в литературе всегда примешан элемент рассудочности, а тут ничего нет, — сочетание звуков, а какая сила! Я думаю, что музыка — это наиболее яркое практическое доказательство духовности нашего существа»⁴³.

«Искусство захватывает вечное, и это вечное даёт ему силу и смысл»⁴⁴.

*Составитель Максим ОРЛОВ,
д. Горваль, Гомельская обл., Беларусь*

³⁴ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 15. С. 219.

³⁵ Там же.

³⁶ Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Из Ясной Поляны в Чердынь. Отрывочные воспоминания. Лев Толстой — человек. М., 1973. С. 204.

³⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 65. С. 26.

³⁸ Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями: В 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 413.

³⁹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 20. С. 285.

⁴⁰ Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 494.

⁴¹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 20. С. 49.

⁴² Цит. по: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 68.

⁴³ Там же. С. 296.

⁴⁴ Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. Т. 2. С. 355.

²⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 68. С. 168, 172.

²⁶ Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 313.

²⁷ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 20. С. 141.

²⁸ Там же. С. 369.

²⁹ Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 14.

³⁰ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 15. С. 229.

³¹ Там же. Т. 20. С. 371.

³² Там же. С. 13.

³³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 65. С. 120.

Елизавета СТЮАРТ, г. Новосибирск

ВЫСОКИЙ ДОЖДЬ

Высокий дождь — от неба до земли —
Стоял в окне, стараясь объясниться.
Была весна. Подснежники цвели.
Была весна —

и он не мог не литься!

Он землю с небом связывать привык,
Он всё вмещал — людей, дома и зелень,
Он знал свой первый и последний миг
И понимал свои простые цели.

Всё лишнее он зачеркнуть спешил,
Лишь главного желая в день весенний:
Он землю влагой досыта поил,
Даря себя для будущих свершений.

Он знал, что по себе оставит след,
Но не хотел ни славы, ни богатства...
И всё, что мне мутило белый свет,
Вдруг показалось просто святотатством:

Сомнения, земных забот печаль,
И горечь знания, и незнания горечь...
Но было жаль,

но было очень жаль,

Что мне с его прозрачностью не спорить...

А он весь день стоял в моём окне
И, помогая развернуться листьям,
Не мог понять, что недоступно мне
Его космическое бескорыстье!..

1957 г.

Ирина БОГДАНОВСКАЯ, г. Санкт-Петербург

***

Наставник в жизни — собственное сердце,
И, проходя неповторимый путь,
Чужим аршином жизнь свою не мерьте,
Лишь сердце не способно обмануть.
Оно даёт мудрейшие советы
На языке, понятном только вам.
Пускай твердят своё авторитеты —
Лишь сердца Свет — мерило их словам...

2007 г.

***

Вершится мировая драма,
Но охранит на всех путях
Не показная вера в храмах,
А вера, скрытая в сердцах...
Ещё страдающий и тленный,
Наш мир по плану сотворён,
И мудро правит во Вселенной
Великий основной Закон...
В один узор сплетутся нити,
И станет частью существа
Прекраснейшее из открытий:
Душа свободна и жива!
Уйдёт напрасная тревога;
Жизнь — бесконечна, смерти нет,
И из сердец, обретших Бога,
Польётся Свет, и только Свет...

2010 г.

Пётр ВАРКЕНТИН, пос. Яшкино,
Кемеровская обл.

***

Сверкают вечными снегами
Вершины гор.
Здесь, высоко над облаками,
Такой простор!

Ущелья, кручи, скал уступы
Все позади.

Здесь неба беспредельный купол —
Простор гудит!

Чертог небесных откровений
В огне зарниц.
Здесь и намёка нет на тени
И нет границ!

Обитель радостного света
Восторг дарит.
Здесь просыпается планета
В лучах зари!

Благая солнечная прана
Пронзила высь.
В аккордах горного органа
Сердца зажглись!

2010 г.

КАПЛИ МУДРОСТИ

Из бесед с Н.Д. Спириной

Чувство долга — это не насилие. Это кажущееся противоречие: сочетать чувство долга и свободную волю; свободная воля — выбирает долг, и она не противоречит долгу.

Община кроме сотрудничества имеет ещё и сферу чувств, чего нет при сотрудничестве. Близость складывается естественным образом — так как это область чувств, никакое насилие невозможно, никакие призывы — «давайте любить друг друга!».

Преподобный Сергей был миротворец, мирил князей. Был твёрдым и требовательным, но без насилия; мог повлиять, убедить, но без насилия.

Воля без любви равняется *насилию*, — делай во имя *моей* воли!

Если человек сделает что-то насильно, даже доброе — ничто в нём не изменится. А вот вызвать в человеке импульс сделать добро — это другое дело.

Страх — инстинкт самосохранения.

Надо знать, *что* накапливает, конденсирует психическую энергию. Не имея её, невозможно и управлять ею. Исследование психической энергии — это работа коллектива, и никто не должен выпячиваться, иначе не будет успеха.

Надо больше думать о своих недостатках, а не о чужих.

Мы даже не догадываемся, насколько нас Направляют!

За всё надо благодарить — или устно, или мысленно.

Признательность — это путь к любви. Без признательности не может быть любви, тем более к Высшему. Мы не можем любить того, кому мы не признательны. Ничего малого нет — за всё благодарить.

«Среди преимуществ Бодисатв забота обо всём сущем будет сокровищем их венца» (Мир Огненный, I, 522). Ни к чему нельзя быть равнодушным: «От былинки до звезды — всё вмещает синтез Чаши» — вот что такое Бодисатвты. Они нам ближе всех, несмотря на такую даль; между нами и Ими — духовная пропасть, а всё-таки ближе Их нет. Равноподобье сущности делает Их терпимыми, и мы должны быть терпимы. Эти слова о Бодисатвах — мой образец, утверждение образа действия; эти слова имеют [для меня] особое значение в смысле идеала.

«Нельзя принуждать, нельзя даже убеждать, можно лишь вкладывать, скрепляя известью чувства» (Агни Йога, 394). Надо самому так гореть и верить, наше чувство должно быть настолько сильно, что оно передастся другому.

Что бы мы ни делали, будем думать о Преподобном Сергии. Пусть Он поможет во всех наших проблемах и делах. Потому что делаем мы не во имя своё, а думаем, как лучше выполнить то, что нам предназначено.

Каждый должен почувствовать себя общинником. Авторитарность — это то, что мы изживаем и переходим к новым формам.

Наступает новый виток, новый этап — мы не работаем в застывших формах, мы ищем новых оптимальных решений.

Ещё раз скажу: тон делает музыку, даже взгляд. Мы сами себя не слышим; очень надо за собой следить. Тот пресекает своё совершенствование, кто говорит: «А вы на себя посмотрите».

Человеку кажется, что он абсолютно невиновен, но есть что-то, что мы в себе не видим, поэтому надо прислушиваться к критике: а вдруг действительно это так? — но не считать себя абсолютно правым.

Может быть только два вида действия: или во имя своё, или во имя Общего Блага.

Нужно не восхищаться, а воздать должное каждому. И восхищение — крайность, и критика — крайность. Не лезть, а констатация фактов.

Если устремление становится сильнее, значит, всё выявляется сильнее, и недостатки тоже.

Мир Огненный, III, 80. Некоторые думают: мы почитаем Иерархию — значит, мы благополучны. Но говорится об уважении к Иерархии и друг к другу. Если только к Иерархии — это ещё не то уважение, которого Они от нас ждут.

Половинчатость — когда устремление не только к Иерархии, но и кое-что, близкое к себеслужению.

Полнопреданность — у первохристиан, когда они шли на костёр. Наша преданность проявляется в побуждениях и в делах.

1994 – 1998 гг.

Записала Наталья Кочергина

Ответы на вопросы, поступившие в Сибирское Рериховское Общество

Имеет ли Н.К. Рерих отношение к масонскому движению?

На этот вопрос ответила Е.И. Рерих в письме от 2 января 1935 года: «Конечно, со всею честностью Николай Константинович может сказать, что он *никогда* ни в масонских ложах, ни в других подобных организациях *членом не состоял и не состоит*. Много чего ему приписывается, и многие стараются хотя бы как-нибудь прикрепить его имя к своей организации»¹. В другом письме Елена Ивановна приводит следующий случай: «Человек, написавший статью о якобы масонстве Николая Константиновича, готовился на следующий же день сдать её в печать. И вот в ночь он имел видение Св. Сергия, которое так потрясло его, что он тут же разорвал свою статью и на следующее утро поехал знакомиться с Николаем Константиновичем, которого раньше в глаза не видал»².

Елена Ивановна писала также, что «Белое Братство уже много лет как не имеет никакого касания к масонству и тому подобным организациям. Как церковность отошла от чистого Учения Христа, так и масонство выродилось и отошло от когда-то своих великих Заветов. Как в том, так и в другом случае в большинстве обществ осталась лишь оболочка, лишь мёртвые догмы и ритуалы»³.

¹ Рерих Е.И. Письма. Т. 3. М., 2001. С. 12 (2.01.1935 г.).

² Там же. Т. 2. М., 2000. С. 514 (12.12.1934 г.).

³ Там же. С. 351 (8.09.1934 г.).

Каково значение символа «Всевидающее Око», изображённого на картине Н.К. Рериха «Святой Сергий Радонежский»?

На этот вопрос Н.Д. Спирина ответила так: «Всевидающее Око — это пространство, в котором запечатлено абсолютно всё, что происходит; и оно видит и слышит». В одной из её «Капель» сказано: «Пространство видит и хранит. Пространство слышит и запомнит...»

В Записях Б.Н. Абрамова читаем: «Нет ничего тайного. Нет ничего скрытого. Всё чётко и полно, во всех деталях записано в пространственных рекордах. Обычно люди стараются вести себя хорошо на глазах, но не стесняются, когда считают, что их никто не видит. Но видит пространство»⁴. «Пространство всё видит и всё запечатлевает. Память природы бездонна. Также и жизнь каждого отдельного человека зафиксирована на фильме пространственных рекордов. Не забыто из неё ничего. И всё неуничтожаемо. Отсюда и символ Всевидающего Ока Пространства, искажённый впоследствии позднейшими толкованиями...»⁵

О том же писала Е.И. Рерих: «Никуда не укрыться от Всевидающего Ока, проникающего во все затаённые уголки нашего сердца»⁶.

Этот древнейший символ встречается у разных народов, в том числе и в христианстве.

⁴ Грани Агни Йоги. II. 221.

⁵ Там же. III. 363.

⁶ Рерих Е.И. Письма. Т. 1. М., 1999. С. 126 (3.12.1930 г.).

Внимание! В журнале № 5, 2012 г., на с. 23 в первой строке сверху следует читать: «познать от него тайну жизни». Редакция приносит читателям извинения.

По вопросам оказания помощи Музею Н.К. Рериха в Новосибирске обращайтесь в Сибирское Рериховское Общество:

Адрес: 630099, Новосибирск-99, а/я 251. Тел./факс: (383) 218-06-71; 210-34-55; тел.: 223-27-55; e-mail: sibro@mail.ru
Средства просим перечислять на расчётный счёт: **Получатель:** ИНН 5407119062, Сибирское Рериховское Общество,
Р/сч 40703810144070130495. **Банк получателя:** Сибирский банк СБ РФ, г. Новосибирск, БИК 045004641,
Кор/с 3010181050000000641; с пометкой: «Благотворительное пожертвование на ведение уставной деятельности для Музея Н.К. Рериха».

Учредитель: © Сибирское Рериховское Общество. При перепечатке любых материалов обязательно предварительное согласование с редакцией.

Основатель журнала «Восход» – Наталия Дмитриевна Спирина.

Издание основано в 1993 г., зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ. Свидетельство ПИ № 77-9359. Тираж 800 экз.

Цена свободная.

Редакционный совет: Н.Ф. Василькова, Т.М. Деменко, С.А. Деменко, Н.М. Кочергина, А.А. Резванцева, И.И. Сереброва, Ю.В. Цыганкова.

Редактор В.В. Игнатьева, цветокорректор С.А. Ковалёва.

Адрес Издательского центра РОССАЗИЯ: 630099, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 38. СибРО, редакция.

Телефон: (383) 223-27-55; e-mail: sibro@mail.ru. Сайт журнала: <http://voshod.sibro.ru>

Подписка: в книжном отделе СибРО «Искры Света». По заявке высылается бесплатный каталог.

Адрес: 630007, г. Новосибирск-7, а/я 126, ООО «Искры Света». Отдел «Книга-почтой».

Тел./факс: (383) 218-09-50; e-mail: knigisibro@inbox.ru. Интернет-магазин: <http://knigisibro.ru>

Отпечатано в типографии ИД «ВОЯЖ», г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Н.К. Рерих. ГИМАЛАИ. 1938

Наталья СПИРИНА

ПРОЙДЁМ

Листы Сада М. Озарение, 1–VIII–1, 3

*Мы пройдем через мосты чужие,
Спешно и решительно пройдем.
Нас не остановят часовые,
И не втянет в бездну водоём.*

*Так же быстро, требуя прохода,
Распахнем чужие ворота,
Ибо путь решён.*

*И право входа
Нам дала стремлений красота.*

*Нам нет дела до собак и тигров,
До недружелюбных длинных рук.
Цель видна. Она горит надмирно,
Озарив глухую ночь вокруг.*

*И когда нам тяжело — повторяем,
Что идём мы в сад прекрасный Твой,
Что дойдём.*

*И путь наш охраняет
Луч победы, посланный Тобой!*